

РАЗВОРОВАННОЕ ЧУДО

Геннадий
ПРАШКЕВИЧ

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Бегемот хотел переплыть Конго. К нему подполз скорпион:

— Перевезешь меня на ту сторону?
— Нет, ты меня укусишь...
— Чепуха! — возразил скорпион. — Я ведь тогда и сам утону.

Бегемот согласился.

До середины реки все шло благополучно, но на стремнине скорпион не удержался. Ужаснувшись, огромное животное воскликнуло:

— Ты все-таки укусил меня!!
— Так уж водится у нас в Конго, — ответил скорпион.

КОНГОЛЕЗСКАЯ ПРИТЧА.

Белые великаны

Таких, как я, можно встретить в любом недорогом баре Солсбери, Стокгольма, Парижа, Брюсселя, Лондона... Среди нас есть французы, бельгийцы, немцы, славяне. У нас есть прошлое и большой опыт обращения с холодным и огнестрельным оружием. Говорят, у нас нет будущего. Это не так! Пока в газетах появляются сообщения о военных переворотах, пока существуют спокойные и беспокойные колонии, мы нужны тем, в чьих интересах совершаются эти перевороты и чьими руками захватываются колонии. Специальные комитеты или новоиспеченные правительства снабжают нас оружием, и мы летим во Вьетнам, в Мозамбик, в Анголу... Это наша работа. Мы — иностранный легион, люди без прошлого (для нас) и без будущего (для обывателей).

В Конго я попал с легионом.

Американский «Боинг-707» принадлежал бельгийской авиакомпании «Сабена» и пилотировался английскими летчиками... Эта путаница меня не трогала. Мне наплевать, чья машина и чьи летчики, — я летел работать, а не решать ребусы. Тем более, на моей работе никто не стремится знать больше того, что ему положено.

Катанга... Бросовые жаркие земли с термитниками, возвышающимися, как дзоты, над мертвой сухой травой. Непривычно высокие, с толстыми деревьями на верхушках, то оранжевые, то мертвенно-серые, то красные, то фиолетовые, термитники громоздятся друг на друга и, как надолбы, тянутся через всю провинцию от озера Танганьика до самой Родезии. Племен в Катанге не перечесть. Я пытался первое время узнать о них что-нибудь, но в голове, как строки непонятных заклинаний, остались одни названия — лунда, чокве, лвена, санга, табва, бвиле, тембо, зела, нвенши, лемба.. Были еще какие-то, но я их не запомнил. Да и эти остались в голове лишь потому, что с одними, поддерживающими партизан-симбу, мы боролись, с другими, верными премьер-министру, поддерживали контакт. На премьера мы, собственно, и работали. Он платил нам.

Выслеживать партизан-симбу было не так уж опасно — оружием они владели никудышным, сохранившимся чуть ли не со времен Ливингстона и Стэнли, а кроме того, были очень разобщены. Были симбу Пьера Мулеле, симбу Кристофа Гбенье, симбу Николаса Оленга, симбу Гастона Сумиала и просто разные симбу... Их разобщенность была нам на руку и помогала брать большие призы: премьер платил поштучно за каждого мертвого симбу, независимо от того, принадлежал он к отряду Гастона Сумиала или

к отряду Кристофа Гбенье... Были, конечно, у этого дела и темные стороны. Например, отравленные стрелы... Пуля вас может крепко зацепить и все-таки почти всегда оставляет шанс выжить, а вот отравленные стрелы действуют наверняка. От этого к симбу у нас не было никаких симпатий, хотя в принципе я, например, не из тех, кто вообще относится к черным плохо. Но... порученную работу всегда следует выполнять тщательно. Этому правилу я следую с сороковых, когда в Независимом государстве Хорватия работал с немцами в одном из отделений СС. Немцы были в высшей степени аккуратны, и опыт, перенятый у них, сгодился мне здесь, в Катанге, где я обучал таких новичков, как Шлесс, убирать на всякий случай любого черного: ведь на лице его не написано — враг он тебе или просто вышел в неудачное время посмотреть, где там его зубная щетка... Наш шеф, майор Мюллер, относился к таким вещам доброжелательно, и ему можно было верить — с 1939 года, кажется, не было ни одной войны, в которой бы он не участвовал. И это именно он учил нас прежде всего отстреливать в занятых деревнях кузнецов и знахарей, поскольку первые ковали для симбу наконечники к отравленным стрелам, а вторые — варили яды... Сами видите, работа не из простых, и мы были от души рады услышать однажды от майора Мюллера, что всю нашу команду посылают на патрулирование в один из очищенных от симбу районов, то есть почти на отдых...

Капрал у нас был неразговорчив (болтуны за нашу работу, как правило, не берутся), но никто кроме него не мог при нужде так легко объясниться с местными жителями на суахили и лингала.

— Усташ, — говорил, например, капрал. — Скажи команды: «стой», «пошел», «вперед», «сидеть», «не глядеть по сторонам».

— Телема. Кенда. Токси. Ванда. Котала на пенбени те.

— А как ты поймешь просьбу друга: «Бета не локоло на либуму»?

— Бей его по животу! — вмешался француз Буассар.

— А если черный спросит тебя: «Мо на нини бозали кобета?», то есть — за что бьете?

Буассар опять вмешался:

— Я скажу ему: «Экоки та набакиса лису-су?», то есть — хочешь еще? — И Буассар весело заржал. Он любил посмеяться.

Пылица на дорогах Катанги невероятная, но как только «джип» ввалился в заросли, пыль исчезла, и нас оглушила влажная горячая духота, сквозь которую не могли пробиться даже звуки. Конечно, где-то вверху верещали обезьяны и орали птицы носороги, но их вопли сливались с шелестом, с гулом мотора и не воспринимались как крики живых существ. Так... Общий

шум, не больше. И полусваренные, мы дремали, пока «джип» ломился по слоновьей тропе, кем-то превращенной в плохую дорогу.

Я еще ни разу не забирался так глубоко в тропический лес, и мне было не по себе. Думаю, что все чувствовали то же, исключая капрала. У него была своя слабость — он не терпел темноты. Это я хорошо знал, потому что не раз посещал с ним кинотеатрики Браззавиля. Могу поклясться, что в темном зале капрала интересовало не происходящее на экране, а происходящее в углах. Я его ни о чем не спрашивал, но, видимо, у него были основания не доверять темноте и закрытым помещениям без запасного выхода...

Для лагеря выбрали очень удобное место. Толстенные деревья уютно прикрывали небольшую поляну, которую мы окопали и очистили от кустов и неровностей. Француз сразу завалился в траву, заметив, что время всегда следует использовать с толком. Дым сигареты приятно щекотал ноздри, и я тоже присел, вытащив свою пачку. Малиновый берет и темно-зеленую маскировочную рубашку я скинул... Француз, как я заметил, еще не был пьян, но несколько жестянок из-под пива были им уже опорожнены. Дотянувшись до неоткрытой, я пробил крышку ножом.

— Ба боле, а... Ба пи... Ба боле, а... — тянул Буассар.

В этой нехитрой песенке речь шла о том, как хорошо, когда нас двое и ночь темна... Типичная песенка француза, хотя слова были взяты из лексикона черных. Впрочем, когда нас двое и когда темно, о словах можно не думать...

— Ба боле, а... — подмигнул я Буассару. Несмотря на его болтливость и еще кое-какие недостатки, я всегда старался держаться ближе к нему. При нашей работе важно иметь рядом человека более или менее надежного, ибо стопроцентно надежных людей в нашем деле нет.

Мы курили и смотрели, как негрить бабинга, давным-давно работавший в нашей команде, возился в котлах кухни, а голландец ван Деерт что-то ему внушал. Не знаю что, но примерно я мог догадываться. Голландец не жаловал черных и даже к премьеру, нашему работодателю, никаких симпатий не питал. Но это его дело. У каждого свои странности... Наверное, ван Деерт убеждал Бабингу держать котлы в чистоте.

Стол поставили под невысоким, но невероятно пышным деревом, не пропускавшим ни единого луча сквозь плотную белесоватую листву. Мы собрались, наконец, вместе.

Буассар сел рядом со мной. Он ходил у нас под кличкой Долихоцефал, поскольку любил утверждать, что все богатые люди в большинстве своем относятся к длинноголовым. Голландцу, например, такие разговоры не нравились. Еще бы! Его низколобая голова была короче любой самой короткой, и, конечно, ему было больно

узнать, что по законам природы он должен всю жизнь оставаться нищим.

— Если бы я жрал, Буассар, как ты, голова у меня выросла бы подлиннее твоей! — только так голландец и мог защититься от умных речей француза.

Буассар ухмылялся. Он вовсе не настаивал на классификации, почерпнутой из случайной книжки, читать которые он мог только в минуты кафара, беспричинной тоски, одолевающей человека в жарком климате. Он и не пытался, собственно, утверждать свою теорию, не в пример ван Деерту, твердо убежденному в прирожденной лени и злости африканцев. Не хочу судить ни того, ни другого. Это был их опыт. Такие, как Буассар и ван Деерт, проделали в свое время поход на Чад, были на Гваделупе, усмиряли Алжир и Марокко и, на мой взгляд, завоевали право шутить по-своему... Француз, например, любил садиться у кухни и подолгу беседовать с негром о возможном побеге его, негра, к симбу:

— Тогда я продам твой череп, бабинга, американским пилотам с «бананов Сикорского», как они называют свои вертолеты. Они дают за череп негра кучу долларов.

Потом показывал «вальтер»:

— Эта штука и поможет мне добыть доллары, бабинга, если ты не окажешься скромным и сдержанным.

— Оставь его, Буассар, — вмешивался я, зная, что французу это приятно. Он любил, когда его шутки вызывали внимание. И он, правда, прятал пистолет и шел в палатку, улыбаясь так, что по сияющим на его лице багровым и синеватым шрамам можно было прочесть добрую часть его биографии.

Напротив меня восседали ван Деерт, капрал и немец Шлесс. Голландца я не любил, он даже для легионера был слишком жесток и жаден. На что такие способны, он доказал еще в Индокитае. А к нам его занесло после увиденного им как-то в шведской «Дагенс нюхетер» газетного объявления: «Каждого, кто интересуется сельскохозяйственными работами в Конго и умеет стрелять, просят позвонить по телефону 033-91-388...» Он позвонил. Он не мог не позвонить, потому что зарабатывал в те дни на случайных делах и тщательно обходил полицейских инспекторов...

Его сосед, немец Шлесс, облаченный в аккуратно подогнанную форму, был единственным новичком в нашем деле, но его рекомендовал капралу сам майор Мюллер, питавший страсть к своим соотечественникам, и хотя Шлесс еще ничем не проявил себя, капрал в него верил.

А вот пятый член нашей команды странный был парень. Иногда мне хотелось с ним поболтать, но объяснялся он только по-итальянски, хотя пари могу держать, итальянцем он не был. Я могу утверждать это, хотя и не заглядывал в его документы... Станный он был парень,

боялся дождей и грома, но мы его уважали. Если он брался за пулемет, то мы могли на глазах у противника открыто курить и выкидывать любые шутки. Иногда его умение владеть пулеметом прямо пугало. Казалось, пулемет — продолжение его, как у всех нас продолжением являются руки и ноги. Впрочем, на нашей работе люди иногда становятся спецами в самых неожиданных вещах. Жаль, что Ящик, так почему-то все звали этого унылого тихого парня, не мог объясняться на тех языках, которые я усвоил.

Перед капралом лежала газета. Он таскал ее с собой очень давно, чуть ли не с тех пор, как подобрал ее в каком-то баре. Но я не видел, чтобы он ее читал. Может, и читал, но в палатке, наедине, — мы его за этим занятием не замечали. Наверное, в газете было что-то такое, чего не увидишь и в самых странных журнальчиках, а может быть, там было что-нибудь о самом капрале, не знаю... Спрашивать у нас не заведено. А вот что капрал обожал монету, знал каждый. Думаю, география и история в его представлении сводились к чисто экономическим понятиям: район работ, оплата работ и так далее. И еще он боялся темноты, особенно в закрытых помещениях без запасного выхода. Но об этом я говорил...

После обеда француз пристроился к негрилю, и я несколько раз думал, что тот вырвет у него пистолет и понадобится мне за французом вступить. Но этого не произошло. А раз так, я не вмешивался. Француз знал, что делает. Хотя надбавка за риск предполагает нечто иное, он имел право заниматься и такими играми.

Прихватив пару жестянок пива, я лег на разостланный плащ. Из-за веточки глянула на меня круглыми тупыми глазами крошечная древесная лягушка, и я вдруг вспомнил слова одного чудака о том, что лягушки в спокойном состоянии будто бы ничего не видят. Мир для них — сплошная голубизна, потому что лягушкам и не надо знать ничего лишнего. Они, как легионеры, довольствуются самым необходимым. Ведь даже в плохую погоду, когда все вокруг становится серым, вода все же сохраняет голубоватый оттенок. Вот почему при появлении врага лягушка и прыгает прямо на голубое и оказывается в воде. Конечно, есть во всем этом крупное неудобство — лягушка может сдохнуть от голода среди только что убитых, но не шевелящихся насекомых... Но стоит в поле ее зрения шевельнуться любой небольшой по величине и округлой по очертаниям штучке, как она попытается ее проглотить. Действительно, ухмыльнулся я, как легионер. Деньги — вот для нас голубое. Деньги — вот на что мы инстинктивно прыгаем...

Хитро посмеиваясь, подошел француз.

— Усташ, ты знаешь, какого цвета зебра?

Я знал, что он скажет какую-нибудь гадость, и предложил:

— Обсуди это с бабингой, Буассар.

Но он был расположен поговорить со мной и вдруг сразу выпалил то, ради чего, видимо, и подкатился:

— Усташ, ты, правда, был в Каркахенте?

О таких вещах не спрашивают. Он об этом знал. Но мы в последнее время близко сошлись, и он, наверное, думал, что я уже в той стадии, когда лопочут обо всем не задумываясь.

— Не злись, — сказал он. — Я просто вспомнил одного итальянца. Длинный и усатый, он работал на какую-то газету. А может, и на Интерпол. Он все время попадал в разные истории и в конце концов влип. Никак не мог понять, что Браззавиль не Венеция, а легионеры не гондольеры. Он выяснял биографии таких, как мы, Усташ, и сумел даже взять интервью у майора Мюллера.

— Зачем? — удивился я.

— Чтобы рассказать в Европе, что мы не легион, а банда. Это он и сказал мне, что в его списке есть некий хорват по кличке Усташ, следы которого ведут из Хорватии в Аргентину, потом в Испанию, потом в Конго... Недурно? Я, конечно, притворился, что ни о чем таком не слышал, и он много напел мне, пока мы с ним осушали браззавильские бары. Он якобы следит за твоей судьбой с тех пор, как ты был с теми хорватами, которые тренировались в Каркахенте.

— Чего он еще хотел?

— Узнать, как ты докатился до легиона. Это его слова. Несколько лет назад ему удалось в Испании добраться до поселка Бенинганим, недалеко от Каркахенте, в котором, как он выяснил, есть военные лагеря усташей, готовящие спецов для террористических актов против Югославии. Я потому и спрашиваю, Усташ, что мне непонятно — если нет такого государства Хорватия, которое исчезло с третьим рейхом, то каким образом существуют в Испании военные лагеря хорватов?

— Эти ребята — иммигранты, — нехотя пояснил я. — Их немного, и они занимаются только спортом.

Он захохотал уже откровенно:

— Конечно, спортом! Я тоже им занимался, а однажды упал и разбил лицо. Только это было в другом спортивном лагере и там развлекались не хорваты, проворонившие свою страну, а свободные французы. Впрочем, француз, хорват... Какая разница? Разве что в том лишь, что я могу вернуться во Францию, а для тебя возвращение в Югославию — петля...

Я внимательно посмотрел на его расписанное шрамами лицо и терпеливо повторил:

— Буассар, поболтай с негром. Меня от таких разговоров тошнит.

Но в принципе француз был прав. Мне некуда возвращаться. Разве что в тот же Брюссель, чтобы на террасе кафе дожидаться новых ангажементов...

— Брось, — утешил меня француз. — Я не собираюсь копаться в твоей биографии. У каждого из нас за спиной следы. А об итальянце забудь. Он утонул в озере Альберта. Несчастный случай, а детали тебе может рассказать ван Деерт. Он за это премию получил, и майор Мюллер потрепал его по комбинезону... А если так говорить, Усташ, то итальянец мне много интересного рассказал. Жаль, что тебя тогда с нами не было, сам бы послушал, о себе и устахах...

— Если бы Гитлер не проиграл войну, — сказал я хмуро, — я бы не шлялся по Бельгийскому Конго. Проиграли все, кто поставил на Гитлера. Но я хочу всплыть, Буассар, вот почему я здесь, и не тебе это надо объяснять, правда? И забудь, что я усташ. Я усташ сейчас только по кличке. Я знаю, что мой последний шанс — Конго. Я хочу заработать и немного пожить человеком, Буассар!

Я, правда, так думал. В мои годы не тешат себя иллюзиями.

— Бабинга! — заорал я. — Пива!

Буассар молча вскрыл принесенные жестянки, и мы выпили. А потом стали говорить о работе, без патетики, как Шлесс, не упирая на то, что мы — малиновые береты, рейнджеры и — как там еще? — ах, да, белые великаны! И совсем было успокоились, как вдруг в невидимом, закрытом непроницаемыми и душными зарослями небе раздался рокот, перешедший в свист. Мы привстали, пытаюсь понять, чей самолет выпевает свою лебединую песню... Свист перешел в рев, близкий, давящий, страшный. Отдалился. А потом где-то грохнуло, и эхо долго, рывками, раскатами, пробивалось к нам сквозь одеяло леса.

— Это кто-то из верхних, — сказал Буассар, — я им не завидую.

Я его не слушал. Я увидел, что из палатки выглянул Ящик. Такой ужас был написан на его плоском измученном лице, что я повернулся, чтобы увидеть, что его напугало... Ничего. Я опять взглянул на легионера, но он уже пришел в себя и медленно шагал к палатке капрала. Неврастеник и трус, решил я. Это ничего, что он хорошо владеет пулеметом. Все равно трус. Но обдумывать было некогда...

Капрал вылез на свет божий, заспанный и злой, и крикнул:

— В машину!

Торопливость — это тоже один из недостатков нашей работы. Но тут никто не стал возражать. Через несколько минут все, кроме Ящика, оставшегося с бабингой в лагере, попрыгали в «джип».

Мы ехали и гадали — получим что-нибудь от вылазки или нет? Спасти пилота — за это полагалась премия.

Ну, а если там только трупы, всегда можно найти что-нибудь в их карманах...

Глава вторая

Оборотень

«Джип» с воем полз через выступающие из земли плоские корни. Капрал спросил:

— Зачем тебе малокалиберка, ван Деерт?

— Пригодится, — погладив бороду широкой мощной ладонью, ответил голландец. Когда он щурил глаза, щеки его, неестественно красные, яблочками выпирали над растительностью, почти скрывающей губы. Я не знал, сколько голландцу лет, но всегда относился к нему как к самому старшему.

Милях в шести от лагеря дорогу преградило зависшее на лианах и ветвях огромное дерево. Проехать под ним было невозможно, столько растительного дерьма низвергало оно при падении. И думаю, у всех мелькнула мысль — симбу...

Сквозь сплошной полог леса пробился странный отсвет и сразу погас, будто над нами шла бесшумная сухая гроза. Мы выжидающе сгрудились у машины.

— Я что-то вижу, — сказал немец.

Взяв автомат наперевес, он раздвинул кусты и скрылся в зарослях. Закурив, мы молча ожидали Шлесса. Было страшно представить, с какой силой врубился в землю те, сверху, и как яростно раскурил горизонт дюралевую сигару самолета... Впрочем, у тех, сверху, все кончается сразу, а вот легионер Андерсон, попавший в капкан, поставленный симбу, часов пять на что-то надеялся... Из зарослей донесся голос немца:

— Капрал, тут негр!

— Убей его, Шлесс!

— Подожди, — крикнул голландец и шумно полез в заросли. Мы слышали, как он сказал: — Я сделаю это сам... — и добавил что-то неразборчивое.

Через минуту мы услышали выстрел из малокалиберки, но ни немец, ни ван Деерт из кустов не явились. Капрал сел за руль и попросил меня:

— Поторопи их, Усташ.

Я осторожно раздвинул листву и замер.

Во-первых, я увидел негра. Это был маленький, очень худой и очень черный мальчишка. Он стоял на коленях, спрятав лицо в ладонях, но это не было выражением почтения к ван Деерту, который возвышался над ним, как чугунная башня... Во-вторых, я увидел странное существо, похожее на один из тех уродливых выростов, что иногда возникают на стволах поврежденных деревьев. Именно перед этой шероховатой бугристой почкой и стоял на коленях негр, а сама она производила странное впечатление, будто что-то в ней бесшумно бурлило и переливалось, хотя я на библии могу поклясться, что ничто в ней ни разу не дрогнуло. Она была мертва, как дерево.

— Что ты хочешь сделать, ван Деерт?

Он поднял малокалиберку и выстрелил в удивившее меня существо.

— Уверен, что я попал!

— Я не слышал.

Он перезарядил ружье и опять выстрелил. Но мы опять не заметили, чтобы эта тварь, в первом приближении — уродливая жаба без глаз и без рта, как-то на это отреагировала. И потом, когда с такого расстояния пуля попадает в плоть, всегда слышен некий чавкающий звук, — все охотники это знают. Удивленный, я приблизился и присел на корточки, стараясь хорошенько рассмотреть нашу находку. Это существо внушало не страх, скорее брезгливость. Что-то в нем действительно происходило. Под полупрозрачной, шелковистой, но упругой на вид шкурой расплывались и смешивались серые пятна, и от этого казалось, что неведомая тварь прямо на глазах меняет форму.

— Оборотень, — сказал ван Деерт.

— Нам повезло...

— За такого зверя любой музей может отвалить нам кучу денег в настоящей валюте. Ты видел что-нибудь подобное?

— Я всякое видел, — неопределенно заметил голландец.

— Я заберу оборотня, а ты кончай дела и дуй к «джипу».

— О'кей! — сказал ван Деерт. И вдруг заорал: — Где негр?

Пока мы были заняты оборотнем, негр смылся. Искать его не имело смысла, и, переглянувшись, мы пошли к машине. Вес оборотня явно не соответствовал размерам. Любой груз подобной формы, но нормального веса, в этом положении я бы не удержал. Но этот не дергался, свисал себе, как мешок, и я легко бросил его в багажник «джи́па».

— Он мягкий, — ткнув оборотня пальцем, сказал Буассар. — И у него нет ни рта, ни ушей. Что это?

— Я три раза в упор расстрелял эту штуку, — недоуменно заметил голландец. — А оборотню хоть бы что. Он будто глотает пули. Усташ подтвердит.

Я кивнул.

— Пора, — сказал капрал и захлопнул крышку багажника. Мы полезли в «джи́п», и вдруг Буассар спросил:

— А где немец?

Мы переглянулись.

— Буассар, ван Деерт, Усташ! — приказал капрал. — Прочесать местность!

Вот теперь я не чувствовал беспокойства. Вялость, одолевавшая меня, ушла. Раздвигая листову автоматом, крикнул:

— Шлесс!

— Шлесс! — раздался в стороне крик Буассара, а потом зычный голос голландца:

— Шлесс!

Неожиданно я пробился на тесную полянку, окруженную тугими стволами, перевитыми, как маскировочной сетью, петлями зеленых лиан. Уже сделав шаг, я инстинктивно почувствовал опасность и бросился в траву. Пули, пущенные из автомата, стригли и осыпали на меня жесткие листья. По звуку я определил, что стреляющий не остановится, пока не выпустит всю обойму. Так и произошло, а потом в плечо мне ткнулся подползший голландец.

— Вот сволочь! — выругался он. — Все симбу из окрестных лесов сбегутся на шум.

— О чем ты? — спросил, выглянув из зарослей, Буассар.

— Это немец, — пояснил голландец. — Спятил он, что ли? Шлесс!

Ответ поразил нас. Шлесс плакал. Это был самый настоящий плач, в голос, навзрыд... Но когда я хотел пересечь поляну, пистолетная пуля мягко шлепнула в дерево прямо над моей головой.

— Он спятил, — сказал Буассар. — Я видел такое в Индокитае. Когда человек плачет и пытается кого-то убить, это и значит — спятил.

Голландец откатился в сторону и подтянул к себе автомат.

— Ты его убьешь!? — возмутился француз.

— Зачем нам сумасшедший?

— Оставь. Мы не знаем, в чем там дело.

Пока они препирались, я ползком добрался до огромного морщинистого дерева, как ковром покрытого эпифитами, и, выпрямившись во весь рост, глянул туда, где по моим расчетам должен был находиться немец.

Неестественно бледный, упершись спиной в дерево и вытянув перед собой длинные ноги в тяжелых армейских башмаках, он сидел шагах в семи от меня, и я видел, как по его бледным худым щекам, покрытым редкой щетиной, скатывались слезы. Иногда он проводил по лицу ладонью, будто паутину с лица снимал, и это было особенно страшно и непонятно.

— Шлесс! — позвал я негромко.

Ответ был неожидан — он повернулся, слишком быстро для плачущего человека, и выстрелил. Щепка, отлетевшая от ствола дерева, разрежала мне щеку... Но странно, я мог поклясться, что Шлесс стрелял скорее на звук. Он не видел меня!

— Ты видишь меня, Шлесс? — спросил я, не выходя из-за дерева.

Три выстрела были ответом. Но теперь я знал, что Шлесс расстрелял обойму, и, бросившись к нему, отнял у него оружие. Он опустил голову и, как бы смирившись со сломавшей его судьбой, горько заплакал. Сломав ветку, я помахал ею перед его глазами. Он не обратил на это никакого внимания, но как только подошли француз и голландец, поднял голову. Глаза его были широко раскрыты и безумно поблескивали.

— Я говорил, следовало его пристрелить, — сказал ван Деерт. — Зачем нам возня с сумасшедшим?

Буассар помог немцу подняться. Вдвоем мы вывели Шлесса к машине и усадили на заднее сиденье. Голландец опять заворчал:

— Разве у нас госпиталь?

Скотина, думал Буассар о голландце. Можно делать все — резать, насиловать, воровать... Это только так говорят, что абсолютная свобода недостижима. Достижима! Я знаю. Надо только организовать прикрытие. Однажды в Индокитае я остался один в лагере Тана. За колючей проволокой лагеря все еще шла перестрелка, у входа дымил танк, но я был уже один, если не считать сержанта Лоренса, который и заметил, как снайпер взял меня на мушку. У Лоренса хватило сил выстрелить. Собственно, на это у него ушли все силы. Он, Лоренс, никогда не питал ко мне добрых чувств, бывало, что мы грызлись из-за лишнего доллара. Но увидев снайпера, Лоренс выстрелил. Именно это я и называю прикрытием, и в данном случае голландец не захотел прикрыть Шлесса... Это надо запомнить. Запомнить и не торчать рядом с голландцем. Он не прикроет, если я влипну... Следует держаться ближе к Усташу. Он не такая скотина, он может кое-что сделать для любого из нас. Он может послужить прикрытием.

Ну что ж, подбил итоги Буассар, что бы ни случилось со Шлессом, для меня это оказалось полезным. Теперь я постараюсь держаться рядом с Усташом, но не с голландцем... У Буассара вдруг потеплело на сердце. Еще раз за долгую и полную неожиданных приключений жизнь неведомое обошло его и всей тяжестью обрушилось на новичка Шлесса. Если это должно было случиться, подумал Буассар, это справедливо. Я заработал право пожить еще... Ему стало весело, и, не глядя на пускающего слезливые пузыри и что-то лопочущего немца, он толкнул локтем сидящего рядом Усташа.

Когда капрал вывел «джип» на дорогу, Буассар вдруг толкнул меня локтем и тихо сказал:

— Если немец выживет, считай, ему повезло, а, Усташ? За зверя, что мы прихватили в джунглях, можно кое-что получить. Только не следует распускать языки, вдруг он под защитой какого-нибудь закона... Что с тобой, Шлесс? Капрал, останови машину!

Кaprал тормознул. Немец ткнулся в спинку переднего сиденья и захрипел. Толкнув его обратно, капрал двумя пальцами приподнял тяжелую голову немца и посмотрел в расширенные, уже неживые глаза.

— Мне это не нравится, — хмуро сказал он. —

В джунглях бывают странные эпидемии. Его не следует везти в лагерь.

...Только бросив лопаты в машину, мы пришли в себя. Немец остался в джунглях, как многие до него и, думаю, многие после, и это на всех подействовало. Будто поняв это, капрал приказал:

— Поблизости есть деревня. Ван Деерт, гони туда, во всем этом следует разобраться. — Потом повернулся к нам. — У кого-нибудь есть виски?

Буассар молча вытащил флягу, закутанную в пальмовый лист. Мы отхлебнули и вернули ее французу. Распухшие стволы деревьев возвышались вдоль дороги, как гигантский частокол, и даже пробивающиеся кое-где лучи солнца не в силах были оживить царство прели и гнили.

Часа через два мы выкатили к островерхим хижинам, устроившимся под растрепанными листьями банановых деревьев. Стволы масличных пальм, выросших тут же, были черны, как копоть. Мы чувствовали напряжение тихих, как бы затаявшихся хижин. Жители этой деревни поддерживали режим премьеры, но когда тощие отвратительные собачонки с оттопыренными, как у гиен, ушами бросились под колеса машины, мы схватились за автоматы.

— Союзники, — проворчал голландец. — Они больше симбу, чем сами симбу.

Вождь, одетый в старый затасканный пиджак — символ дохода и власти, — встретил нас у порога. Да мы бы и не пошли в хижину, настолько она пропиталась запахом прогорклого масла, которым негры натирают тела от москитов. Вытянутые плоские щеки и толстая губа черного выражали брезгливое презрение, а взгляд из-под стекол круглых железных очков светился упрямством. Я был уверен, что стекла в очках простые, без единой диоптрии, но не это нас сейчас интересовало.

— Джамбо, — приветствовал вождя капрал на суахили. — У нас умер человек. Он встретил черного. Черный отравил белого человека. Мы работаем на премьеры и хотим взять виновного, чтобы отдать его властям. Ты знаешь закон.

Выслушав, вождь три раза хлопнул в ладоши. На этот сигнал из хижин выбрались старики и старухи, с испугом и удивлением рассматривая нас. Даже целой оравой они вряд ли могли заставить расплакаться здорового Шлесса, и капрал покачал головой:

— Тот был моложе.

Вождь повторил сигнал, и к толпе присоединилось несколько истощенного вида мужчин. Нищая деревня, подумал я, или они прячут молодежь...

— Кто? — спросил вождь.

Кaprал покачал головой, и, повинувшись новому сигналу вождя, из самой крайней хижины появилась чудовищно дряхлая старуха, такая древняя, что кожа ее казалась покрытой пятнами плесени.

А может, она была чем-то натерта. Не знаю... Негры расселись вокруг старухи, и она поглядела на вождя и хищно покачала маленькой, почти голой, дочерна загорелой головой. Вождь кивнул.

Пригибаясь почти до земли, приговаривая дикие непонятные слова, вращая пронзительными запавшими глазами, старуха вошла в круг и широко расставила ноги. Кто-то протянул ей длинный и гибкий прут. Опустив его наклонно к земле, старуха замерла, а один из негров осторожно ударил короткой палочкой по пруту. Тягостное чувство охватило собравшихся, я увидел, как ван Деерт автоматически сунул руку в карман и стал так, чтобы за его спиной никого не было. Вслушиваясь в отрывистые удары палочки, негритянка не отрываясь смотрела на прут. Темп ударов резко возрос. Руки и тело негритянки будто окаменели, она закатила глаза и вдруг с силой хлестнула прutom по земле, подняв фонтан рыжей пыли. Потом еще раз. И еще. Фонтаны пыли слились в облако, оно разрасталось, сплывало на людей, и, наконец, старуха начала хлестать прutom с такой силой и скоростью, что сидящие перед ней в ужасе отпрянули. Француз хотел мне что-то шепнуть, но не успел: взвизгнув, старуха прыгнула к одному из негров и в каком-то приступе жестокости стала наносить ему тяжелые, рвущие кожу удары. Никто не пришел на помощь несчастному, а сам он не пытался отбиваться, стоял, скорчившись, спрятав голову в руки, пока судорога не свела тело старухи. Она упала, и ее тотчас унесли в хижину. Вождь брезгливо смахнул пыль с пиджака и сказал капралу:

— Возьми.

— Ахсанте, — ответил капрал. — Спасибо. — И кивнул ван Деерту. Голландец ответил ему понимающей улыбкой и толкнул избитого негра в спину:

— Кенда! Иди!

Негр, выкатив огромные глаза, не двигался.

— Экоки то набакиса лисусу? — спросил голландец, и только тогда негр медленно зашагал к машине, опустив голову, не глядя на предавшее его племя.

Положив руки на автоматы, мы молча прошли сквозь расступившуюся толпу, забрались в «джип» и отправились в лагерь.

Нас встретил Ящик. Он флегматично посмотрел на пленника и пожал плечами.

— Привяжи негра к дереву, — приказал капрал. — И скажи бабинге, чтобы спиртное Шлесса было поделено на всех.

Сгустились сумерки. Голландец разжег костер. Буассар вывел «джип» на поляну и включил фары. Никто не расходился, зная, что капрал и голландец любят импровизированные представления. И представление состоялось. Мы пили пиво, а капрал беседовал с пленником, не забывая переводить нам свои слова.

— Умер белый, — сказал он негру. — Ты об этом знаешь, — капрал утверждал.

— Ндио, бвана, — послушно согласился негр.

— Мы находились рядом с твоей деревней.

— Ндио, бвана.

— Ты подстерег белого в зарослях и сделал то, чему тебя научили знахари.

— Нет, бвана! — закричал негр.

— Ты хотел, чтобы мы ушли и оставили тебе тело белого.

— Нет, бвана! — глаза негра были огромными, но, мне кажется, он ничего не видел.

— Я отпущу тебя, — сказал капрал. — Но ты нам расскажешь, где твой вождь прячет молодых женщин, когда мы приближаемся к деревне. Мы работаем на вашего премьера, мы — ваши друзья.

— Нет, бвана! — закричал негр. Я поморщился. Француз заметил это и подмигнул мне. Мы ушли в палатку, и Буассар тут же вытянул из угла мешок Шлесса.

— У нас с немцем был один размер, — сказал он. — Я воспользуюсь его рубашками. Если тебе что нужно, бери.

Я взял нож. Нож был хороший. Крупповский. Денег у немца нашлось немного, что-то около трехсот конголезских франков, и мы поделили их поровну. Порывшись в бумагах, Буассар заметил:

— Он таскал с собой договор.

И при свете фонаря, пошелестев белыми листами, прочел:

— «Документ о зачислении на службу лица, связанного договором с Демократической республикой Конго... Между правительством Демократической республики Конго, представленным премьер-министром, с одной стороны, и господином Т. Шлессом, в последующем именуемом: лицо, связанное договором, с другой стороны, заключается следующее соглашение...»

Француз отхлебнул пива и продолжил:

— «Статья 1. Лицо, связанное договором, обязуется нести службу в качестве волонтера. Функции, выполняемые лицом, связанным договором, не обязательно должны соответствовать обусловленной выше должности...»

— Это так, — подтвердил я.

«Статья 2. Настоящий договор заключается сроком на шесть месяцев и может быть продлен автоматически, если не последует предупреждения о его расторжении, которое должно быть представлено лицом, связанным договором, за тридцать дней до истечения настоящего договора...»

— Это так.

— «Статья 3. Ежемесячный оклад лиц, связанных договором, выражается в приводимых ниже суммах (в конголезских франках): волонтер — 41 148.57, унтер-офицер — 49 928.50, фельдфебель — 66 438.25, младший лейтенант — 99.662.60, лейтенант — 105 642.25, капитан —

126 236.04, майор — 148 321.25, подполковник — 177 321.04. Выплата оклада производится ежемесячно и вперед. Ежегодное повышение — 3,5%».

— Это так.

«К этому основному окладу добавляются надбавки для семейных (в конголезских франках): жена — 9.975.63, жена и один ребенок — 15.964.76, жена и двое детей — 22.343.26, жена и трое детей — 29 518.86, жена и четверо детей — 37 899.89, с прибавлением сверх этого по 8 381.03 конголезских франка на каждого ребенка».

Буассар рассмеялся:

— Если была бы возможность получать добавочные за каждую жену, я не остался бы в накладе!

— «Квартирные. Если лицо, связанное договором, не помещено в гостиницу или в правительственный дом для приезжающих, то оно имеет право на квартирные, соответственно своей должности. А также суточные — 938 конголезских франков в день. И получает ресторанный прибавку в 562 конголезских франка. Если же лицо, связанное договором, находится в опасной зоне, то оно имеет право на ежедневную прибавку за риск в количестве 2 345 конголезских франков в день».

— Это так.

— «Статья 5. В случае смерти лица, связанного договором, правомочным родственникам жертвы выплачивается 1 000 000 бельгийских франков. Эта сумма налогами не облагается и никаким удержаниям не подлежит. В случае ранений, имеющих последствием полную потерю зрения, ампутацию или полную утрату функций обеих ног, обеих рук, или же одной ноги и одной руки, полную инвалидность или неизлечимое психическое заболевание, делающее невозможной любую работу, лицу, связанному договором, выплачивается 1 000 000 бельгийских франков. Эта сумма налогом не облагается и никаким удержаниям не подлежит... Для постоянной частичной инвалидности устанавливается следующее возмещение: в случае полной потери, то есть ампутации, правой руки — 75%, левой руки — 60%, правого предплечья — 65%, левого предплечья — 55%, правой кисти — 60%, левой кисти — 50%, бедра — 60%, ноги — 50%, ступни — 40%, большого пальца правой руки — 20%...» — Буассар зевнул и продолжил: — «Для левши, при условии, что заявление было сделано им до ранения, оценки, установленные для правой руки, переносятся на левую. За все ранения, следствием которых явилась постоянная или частичная инвалидность иных органов, кроме перечисленных выше, подлежит возмещение, которое определяется аналогично установленным выше условиям... От имени Демократической республики Конго премьер-министр... Лицо, связанное договором, — господин Т. Шлесс, волонтер. Семейное положение — холост. Текущий счет в загра-

ничном банке — Солсбери, 136 749. Нормально пользуется правой рукой».

— Дай бумаги, — сказал я. — Передам кап-ралу.

Странно, кажется, что-то во мне вдруг сдвинулось. Я впервые вдруг подумал, что каждый из нас, легионеров, оценен на вес, почти на вес, по крайней мере — по частям. Я будто на витрине мясного магазина увидел тушу легионера, аккуратно разделанного работодателем. И на каждом куске была бирка с ценой — в бельгийских и конголезских франках... Ладно... В конце концов мы сами приняли эту игру, а у каждой игры свои условия...

Бросив бумаги капралу, я подошел к кухне, при слабом свете которой голландец, похожий на бородатого чародея, занимался своими делами. В кипящей прыгающей воде крутилось что-то черное...

— Доллары, — подмигнул ван Деерт и захохотал. — Американские пилоты с «бананов Сикорского» дают пятьдесят долларов за череп негра с пулевым отверстием.

— Так вот зачем ты носишь малокалиберку...

— Бельгийский карабин дает слишком большое выходное отверстие, — ухмыльнулся ван Деерт.

Да, подумал я, нас не зря оценивают на куски, по частям. Другого подхода тут быть не может.

Нервы, решил я. Усталость. Иначе — почему бы меня морозило? Я ведь и раньше знал, что петля скучает по любому из нас и что не только сотрудники Интерпола изучают наши карточки. И что не один писака из этих европейских газет разыскивает наши следы, чтобы по ним понять, как мы «дошли» до легиона...

Но, черт возьми! — выругался я про себя, — живут же такие, как я, или ван Деерт, или Буассар, где-нибудь в Аргентине или в Парагвае! И неплохо живут! И совесть не заставляет их вставать и отдаваться в руки правосудия! Чем я хуже? Я тоже хочу дожить до своего естественного последнего часа! Не похожего на смерть господина волонтера Т. Шлесса. Я хочу умереть в чистой постели, на простынях, или в крайнем случае в дорогом кабаке. Но не в Конго, мучаясь от удушья, как господин волонтер Т. Шлесс, и не в петле в Югославии, как кое-кто из моих бывших друзей усташей, и не от руки какого-нибудь сумасшедшего в Париже или в Стокгольме, двадцать с лишним лет выслеживающего на свой риск и страх таких, как я или господин капрал...

Я должен всплыть. Я должен заработать свою долю конголезских или бельгийских франков. Они мне здорово понадобятся в будущей, чистой и простой, под чужим именем, жизни. И эта работа — мой последний шанс. Ничего другого мне уже не представится. А поскольку

это последний шанс, сказал я себе успокаивающе, я должен воспользоваться им на все сто процентов! Иначе зачем было браться за это дело?

Глава третья

Отравитель бабинга

Я проснулся совершенно разбитый, хотя ложась чувствовал себя неплохо. Француз заставил меня показать язык и заметил:

— Я уже терял так друзей. В Индокитае. У них желтел язык, голова болела, а глаза светились, как у пьяных орангутангов. Если ты не проглотишь это,— он дал мне горчайшую пилюлю,— я не поставлю на тебя и конголезского франка.

Меня морозило. Ломило каждый сустав. Я никак не мог что-то вспомнить. Что? Мысли бессвязно крутились в голове, приводя меня в бешенство.

— А ты ничего не чувствуешь?

— Нет,— ответил Буассар.— Если симбу не спустят с нас шкур, я и завтра ничего особенно не почувствую.— Он проглотил пилюлю и пояснил: — Профилактика...

— Кем был твой отец?— меня неотвязно мучила ускользящая мысль.

— У меня не было отца,— засмеялся француз.— С такой женщиной, как моя мать, не мог ужиться ни один мужчина. Но я не осуждаю ее, я вообще отрицательно отношусь к осуждению, хотя бы потому, что каждого из нас,— он ухмыльнулся,— кто-нибудь осуждает.

Его слова почему-то задели меня. Нервы, решил я... Но весь день не мог отделаться от воспоминаний о той бумаге, на которой черным по белому в свое время было написано, что я, хорват Радован Милич, активный член организации усташей, за измену родине приговариваюсь к смертной казни через повешение... Эту бумагу сочинили те, кто перестроил Балканы и ввел Хорватию в состав Югославии, страны, знакомой мне лишь по газетам.

Буассар выглянул из палатки:

— Завтрак испорчен. У капрала кислый вид. Наверное, он всю ночь писал сводку,— убит волонтер, имя — Т. Шлесс, национальность — немец. Наверное, он всю ночь переживал потери в личном составе.

— Помолчи!

Но он не мог остановиться:

— Ты, может, думаешь, что капрал — герой и бессребреник? Не люблю отзываться о начальстве плохо, но я сам видел, как он прекратил бой у озера Альберта только потому, что чек на двести конголезских франков размок в его кармане от пота. Пстой... Чего они суетятся?

— Это все оборотень,— сказал подошедший голландец.— Он вылез из багажника «джипа» и проделал для этого дыру в раме, а ось перепилил почти пополам. Я такого никогда не видел, зверюга работает как автогенном. Теперь капрал ищет виновных. Кажется, это ты, Усташ, посадил оборотня в багажник?

Мы выбрались из палатки.

— Какого черта!— выругался капрал.— Вам давно пора обмыть рожи.

Буассар развел руками.

— Посмотрите на «джип».

Мы взглянули... В днище машины зияла округлая дыра с очень ровными, но не оплавленными краями. И ось была надрезана или надпиlena, а может, выжжена точно так же.

— Переходим в пехоту,— пробормотал француз.— Как это тебя, Усташ, угораздило?

Я огрызнулся.

Оборотень лежал тут же, в траве, куда вывалился из машины, и трава под ним пожухла и почернела. Он весь был покрыт темной, почти прозрачной роговидной, но, видимо, эластичной и мягкой оболочкой, в которой невозможно было отыскать ни одного отверстия. Аморфный полупрозрачный мешок... Трудно было поверить, что это именно он прорезал металл, но другого варианта быть не могло... Трудно было даже поверить в то, что это живое существо, и все-таки оно и впрямь было живое — меняло окраску, сокращалось, увеличивалось, а когда кто-нибудь закрывал солнце, медленно сдвигалось в сторону. И непонятно было, как оно это делает — ни ног, ни крыльев мы не могли найти и при самом тщательном осмотре.

— Что может такая беззубая тварь?— удивился голландец.

— Пропиливать дыры в металле,— усмехнулся капрал.— Когда мы повезем оборотня на рынок, Усташ, тебе придется держать его на коленях, иначе он опять продырявит «джип».

Я не ответил. Оборотень заинтересовал меня всерьез. Какую кислоту и в каком количестве должен был он выпускать, чтобы пробиться сквозь металлическое днище багажника? Я подумал о кислоте, потому что ничего другого не приходило в голову. Наклонился... Оборотень в чем-то был схож с медузой, и я вдруг представил, как может парочка таких тварей, свисая с ветвей в лунном свете, пугать местных жителей. Не зря тот негр, которого не успел пристрелить голландец, стоял перед оборотнем на коленях.

— Мниама мполе,— сказал я бабинге.— Прелестный зверек. Ты видел таких когда-нибудь?

Он буркнул что-то отрицательное. Голландцу это не понравилось, он рявкнул:

— Ненда зако!— и бабинга послушно исчез.

Я встал так, чтобы закрыть собой солнечный луч, и оборотень медленно сдвинулся в сторону.

— Поиграй,— сказал капрал,— а потом собирайся. Прогуляешься до лагеря майора Мюллера и пригонишь «джип» с запасными частями,— он раздраженно ударил носком ботинка по спущенному скату.

Тонкая ткань палатки не заглушала голосов, и, переодеваясь, я слышал, как легионеры делились впечатлениями.

— В Африке такого не может водиться,— убежденно заявил голландец.

— В Африке водится еще и не такое,— возразил Буассар.— Я сам был знаком с человеком, который встретил в Уганде создание ростом со слона, но без хобота и...

— С тремя правыми ногами,— насмешливо заключил ван Деерт.

— Оборотень работал кислотой,— заметил капрал,— иначе просто невозможно проделать такую дыру. Наверное, кислота у него выделяется через поры. Он и потеет, наверное, кислотой.

— Послушайте! — воскликнул Буассар.— А ведь оборотень холодный.

— Может, он сдох?

— Мне кажется,— высказал догадку капрал,— ему необходимо солнце, не зря он за ним ползает.

— А может, он жрет воздух? У него же нет рта, а воздух можно впитывать через поры.

— А может, это растение? — Буассар, кажется, сам изумился такому предположению.

— Вы как знахари наддохлым пациентом,— вмешался голландец.— Если бы за оборотня и вправду не могли дать кучу долларов, я с удовольствием вспорол бы его, чтобы посмотреть на него изнутри.

— Если долго смотреть на шкуру,— заметил француз,— она как бы светлеет...

— Усташ! — крикнул капрал.— Отставить сборы! Ящик, иди сюда!

Не знаю, что пришло в голову капралу, но я вылез из палатки и присоединился к легионерам с чувством облегчения — небольшая радость брести по джунглям, рискуя напороться на случайный отряд симбу... С преувеличенным вниманием я вслушивался в итальянскую речь Ящика.

— Он говорит,— перевел капрал,— что такого зверя мало отдать и за сотню тысяч. Долларов, разумеется. Ящику можно верить.

— Почему? — спросил Буассар.

Кaprал презрительно посмотрел на него:

— Если я сказал, значит, это так!

— Да, капрал!

Я вдруг опять почувствовал себя больным. Пришла головная боль, резкая и неожиданная, все закрутилось перед глазами. Буассар посмотрел на меня и покачал головой. Чтобы не привлекать внимания, я потащился в палатку и лег на спальный мешок. Боль приходила волнами, внезапная, тошнотворная, и в полдень я был

вконец обессилен. С меня сошло сто потов, я побледнел, как дохлый негр, пролежавший три дня под солнцем. И только к вечеру все это чуть отошло, я даже задремал, как вдруг в палатке капрала раздались выстрелы.

Когда я добрался до нее, там уже толпились легионеры. Капрал лежал на спальном мешке, лицом вниз, и ладонями зажимал уши. Рядом валялся его «вальтер».

— Уберите эту тварь! — выругался капрал, почувствовав наше присутствие.— У меня лопнут уши!

— Но тут никого нет,— озираясь, сказал Буассар.

— Есть, черт подери, есть! Ищите лучше! — не поднимая головы и не оборачиваясь, заорал капрал.

И тут Буассар вытянул из-под полога летучую мышь. Ее кожистые морщинистые крылья казались прозрачными, а на уродливой мордочке застыла сардоническая ухмылка. Капрал с отвращением взглянул на мышь и поежился. Неужели, удивился я, она могла его напугать?

— Я думал, сойду с ума, так свистела и трещала эта тварь! — с облегчением сказал капрал, когда француз выкинул мышь наружу.

— Мы ничего не слышали,— сказал ван Деерт.

— У вас не уши, а ватные подушки! — выругался капрал.— Идите!

— Но, капрал...

— Идите! — заорал он.

На них можно только кричать, подумал капрал. Теперь, когда свист, мучительно рвавший ему уши, исчез, он почувствовал слабость и страх. Если никто ничего не слышал, подумал он, то почему же я-то услышал свист летучей мыши, почти незаметной твари? Это же нереально...

Нервы, решил он. У всех у нас сдают нервы. И оборвал себя — ты бывший солдат рейха, ты не должен распускаться, как славянин или француз. Считай, что ты в резерве. Все еще вернется, немцы снова поднимут голову...

Его рука наткнулась на шуршащий газетный лист, и он с нежностью, как спасение и лекарство, погладил его, ибо этот газетный лист открывал ему путь в Европу, далекую туманную Европу, к которой он так долго, с 1945 года, стремился и в которую только сейчас мог, наконец, вернуться. «Гуго Хуберт, — гласило сообщение, напечатанное в газете, — мертв! Гуго Хуберт объявлен мертвым!» Хуберт — это был он, капрал. «Более восемнадцати лет, — говорилось в газете, — разыскивается как военный преступник Гуго Хуберт, исполнитель варварских акций по уничтожению мирного населения Бельгии, Франции и Голландии. Международный военный

трибунал в Нюрнберге приговорил Гуго Хуберта заочно к смертной казни. Гуго Хуберта искали в самых разных уголках земного шара, прежде всего в Латинской Америке, но не нашли... На днях прокуратура Франкфурта-на-Майне объявила Гуго Хуберта мертвым и сообщила о прекращении его поисков. Решение прокуратуры основывается на показаниях свидетелей, утверждающих, что Гуго Хуберт был убит при попытке оставить горящий Берлин в ночь на 3 мая 1945 года на улице Унтер-ден-Линден».

Возвращение, — так воспринял капрал сообщение о своей смерти. Сейчас, когда власти перестанут проявлять внимание к его особе, он может снять с текущего счета в Солсбери заработанные в легионе деньги и вернуться на родину. Разумеется, под чужим именем. А внешность... Он задумчиво провел рукой по лицу... Внешность... Его, наверное, не узнала бы и родная дочь, не будь она убита в ту же ночь на 3 мая, когда на улице Унтер-ден-Линден мина подорвала машину со всем семейством Гуго Хуберта.

Деньги, деньги, деньги — вот что мне сейчас нужно, думал капрал, прислушиваясь к тому, как сбегала меж его широких лопаток струйка теплого пота. Только деньги. И осторожность. Сейчас следует быть осторожным. В этой компании подонков, так не похожих на людей третьего рейха, легко оступиться. Деньги и осторожность. Вот программа на ближайшее полугодие. А там — домой... Сладкая боль охватила сердце капрала, и он опять, уже с отвращением, вспомнил летучую мышь. Что происходит с моими ушами?... Нет, это не уши. У меня разболтались нервы. Следует быть осторожней в словах и поступках. В конце концов, хотя Буассар, Усташ, ван Деерт легионеры, они не армейцы. Об этом следует помнить, даже тут, в Конго. Капрал презрительно усмехнулся. Славяне, французы... Таких грузили в вагоны и везли в Великую Германию, как рабочий скот. Он негромко повторил эти слова вслух — рабочий скот... Такими они и остались... Эта мысль капрала удовлетворила, и, пока над лагерем сгущались сумерки, он лежал в палатке, сосал пиво из вскрытой жестянки и думал о возвращении...

Ночью я проснулся от резкой, ломающей суставы боли. Француз тоже не спал.

— Голова разламывается, — ответил он на немой вопрос. — Включи фонарь, я уверен, мой язык обложило известью.

Но язык его был чист.

Я выглянул из палатки. Трава чуть серебрилась, в просвете ветвей светилось несколько звезд. Очень далеких, не родных, не нужных мне, непонятных... Я вдруг поймал себя на том, что эти мысли как бы не мои, будто внушены кем-то... Прислушался... В джунглях было тихо,

даже ночные птицы заткнулись. Проверяли — не закричу ли я... И это еще более укрепило меня в мысли, что рядом с палатками кто-то есть. Это не было чувством опасности, тренированный человек сразу определяет его, скорее это было чувство присутствия... Чьего?

В рассеянном лунном свете я различал тени кустов и палаток, видел «джип» на спущенном скате. Хотел чиркнуть спичкой, как вдруг в траве мелькнул слабый отсвет, будто кто-то на мгновение включил фонарь. Я вытащил из-под спального мешка нож и медленно выбрался из палатки. И интуиция опять подсказала мне, что торопиться не следует. Я отложил нож, взял фонарь и вдруг, сразу, осветил подозрительное место.

Это был оборотень. Он лежал рядом с «джипом», и трава вокруг него была совершенно черная, будто ее побил заморозок.

Опустившись на корточки, я коснулся оборотня руками, и там, где мои пальцы его коснулись, родилось и расплылось бледное свечение. Я чуть усилил нажим, и вдруг оборотень вспыхнул весь, целиком, сразу, как гигантский радиоглаз. Я вздрогнул, — такое ощущение, будто мне подмигнул человек, — и выругался. Тоже мне человек! Такие, как я, должны ходить на двух ногах, иметь две руки, пару ушей, пару глаз, один рот и не быть чрезмерно голыми или волосатыми. И, конечно, не должны дырявить листы металла... Надо будет расспросить бабингу, что он слышал от местных жителей о таких зверях. Я задумчиво закурил. Было влажно и душно...

Утром все проснулись с головной болью.

— Всю ночь снилось, — жаловался француз, — что меня хотят повесить. Может быть, Усташ, меня и есть за что повесить, но не понимаю, зачем это делать именно во сне?

Я не ответил.

Хмурые, мы собрались вокруг стола, и капрал, держась за голову, спросил:

— Что мы ели вчера?

— Это надо спросить у негра, — подсказал голландец.

— Бабинга, ты ничего не перепутал? — спросил капрал. — Ты положил в мясо какие-то травы, да?

— Нет, бвана. — Негр казался напуганным, но его круглое лицо было столь свежим, выспавшимся, лоснящимся, что невольно вызывало глухое раздражение.

— Негры только и ждут момента напако- стить, — проворчал ван Деерт.

— Здесь я говорю! — оборвал его капрал.

— Разве я не соблюдаю дисциплину?

— Дисциплина волонтера не то, что дисциплина капрала! Понял?

— Да, капрал!

Мы сидели в тени, но духота была нестерпима. Кровь гулко пульсировала в висках.

— Ван Деерт! — приказал капрал. — Возьми оружие, доберись до лагеря майора Мюллера и пригони «джип» с запасными частями. Ты должен сделать это как можно быстрее. Как можно быстрее, я подчеркиваю это. И не забудь прихватить с собой к нам приличную аптечку.

— Да, капрал!

Преувеличенно твердо ван Деерт направился к палатке и вскоре появился уже в полной походной форме — малиновый берет, защитного цвета рубашка, такие же шорты и грубые башмаки... Мы смотрели, как он уходил, и где-то в глубине души я почувствовал зависть... И еще во мне возник страх перед той болезнью, что так неожиданно пришла к нам. Не продолжение ли это истории со Шлессом, ведь мы так и не выяснили, что с ним произошло!

С опушки голландец помахал нам беретом. Мы не ответили.

— Мы сами будем готовить обеды, — хмуро сказал капрал и позвал: — Негр!

Бабинга неуверенно приблизился к столу.

— У тебя не болит голова, бабинга?

— Нет, бвана.

— Ты вчера положил в мясо лесную траву. Зачем ты это сделал? Так тебя научили знахари?

— Нет, бвана.

Рука капрала медленно полезла в карман. Я подумал, что капрал, наверное, тоже таскает свой «вальтер» дулом кверху — так легче его выхватывать... Но негр оказался проворнее. Он пригнулся и молча прыгнул в сторону. Не останавливаясь и не оглядываясь, он бежал мимо «джипа» через поляну. И меня поразило, что он бежал не в кусты, которые находились совершенно рядом и в которых его никто бы не смог найти, а куда-то на край поляны, будто ему обязательно надо было пробежать мимо оборотня. Целую минуту его широкая спина была у нас на прицеле, и, захоти мы, его несколько раз можно было убить. Но никто не выхватил оружия, никто не выстрелил, никто, собственно, и удивления не проявил. Я поглядел на Буассара, и он отвернул лицо в сторону. Ящик, не глядя на меня, пожал плечами. Капрал хмыкнул и сказал:

— Странно. Негр не побежал в кусты. Он пересек поляну. Почему?

Глава четвертая

Звездный миссионер

Это был, к сожалению, не последний вопрос.

Меня встревожил вид Буассара. Он часто тер глаза и странно подергивал головой, будто у него вдруг устала шея. Я спросил, что с ним. Он замаялся.

— Хочешь молчать, твое дело. Но не вертись. У меня и так голова идет кругом. Иди ляг. Пока ван Деерт не вернется, у нас каникулы. Впору подумать на всякий случай о круговой обороне. Симбу не дремлют. Хорошо, что с нами Ящик и его пулемет.

— Я не могу лечь, — сказал Буассар ошеломленно.

— Почему?

Он промолчал. Потом, безостановочно мотая головой, фальшивым голосом затянул:

— «Город застыл в глазах, давай завоюем себе новые земли...»

— Смени пластинку!

Он действительно сменил:

— «Мы печатаем шаг, мы хотим прочесать дальние страны...»

— Буассар!

— «Отправляйся-ка, парень, — он смотрел на меня расширенными глазами, качал головой, шрамы на его лице побагровели. — Отправляйся-ка, парень, на поиски незнакомого цветка в дальние страны, лежащие там, за лесами...»

— Заткнись!

Отнести столь странное поведение за счет выпивки я не мог. Алкоголь делал Буассара только болтливым. И, тряхнув француза за воротник, я выругался:

— Выкладывай, что у тебя!

И тогда он сказал:

— Я ослеп, Усташ.

— Ты меня не видишь? — У меня перехватило дыхание от мысли, что это может случиться и со мной. — Ты меня совсем не видишь?

— Вижу. Только надо, чтобы ты шевелился. Или же я должен двигаться. Понял?

— Нет.

— Когда все неподвижно, я ничего не вижу. Сплошная чернота, даже солнце угадываю лишь по теплу.

— А потом?

— Когда кто-то двигается, я его вижу так же ясно, как раньше. Но стоит человеку остановиться, как он будто пропадает. У меня сперва болела голова, а сейчас вот... — Он выругался: — Что происходит? Будто в мире для меня не осталось ни травы, ни деревьев, ни облаков. Все обратилось в черноту. Я ослеп, Усташ!

— Ну, ну, побереги нервы... Это, наверное, не настоящая слепота. Это пройдет. Мы просто пожрали чего-то вредного и все разболелись. Я пойду и принесу тебе пива. И не болтай головой, ты смахиваешь на идиота.

Казалось, француз сейчас расплачется, и меня холод пробрал — я вспомнил Шлесса... Может, с французом что-то подобное? Но тогда негр не мог отравить нас!

Я побрел к кухне, все пытаюсь представить, как это Буассар видит движущихся людей на сплошном черном фоне. Будто на экране... Я ус-

мехнулся. Во всем происходящем была все же одна положительная деталь — все это случилось не со мной... Среди всех недугов, подумал я, слепота, наверное, самое страшное... Подозрительно осмотрев капрала и Ящика — они сидели за столом, — я не заметил в них ничего странного и, подумав, выложил новость:

— Буассар ослеп.

— Что?!

— Не совсем ослеп, наполовину. Но нас теперь только трое, и если бабинга приведет симбу, нам крышка.

Капрал выругался:

— Я всегда считал, что в этой стране прежде всего следует вывести знахарей.

— Негр не мог отравить нас.

— Почему ты в этом уверен?

— Вспомните Шлесса. У него это было так же. По-моему, он перестал видеть, и это на него подействовало слишком сильно.

— От слепоты не сдыхают.

Это звучало неубедительно, но спорить не стоило... Я отнес пиво французам и опять попросил его не мотать головой. Но он боялся оставаться наедине со своим черным фоном.

Потом в Буассаре заговорил делец:

— А может это считаться полной потерей зрения, Усташ? Мне выплатят мои сто процентов?

— Должны, — сказал я.

Это его утешило.

Тошнота опять подкатывала к горлу. До вечера я провалился в палатке в тяжелом полусне, а потом меня разбудили запахи... С трудом я приподнялся и вдруг почувствовал, что не ощущаю боли. Боль ушла. Я испугался — так хорошо себя чувствовать мог только больной... Но вид французам, даже во сне дергавшего головой, подействовал на меня отрезвляюще. Неужели он и во сне вынужден это делать, бедняга?

И опять я ощутил запахи.

Запахи... Ничего подобного я еще не испытывал. Будто все деревья, люди, вещи, травы обрели способность испускать ароматы... Потянув носом, я вобрал в себя все неистовство тропической ночи — духоту, сырость, плесень, перепады каких-то звуков, тяжелую пряность орхидей и испарений... Такая чувствительность не могла быть нормальной... Но думая так, я не переставал с жадностью вслушиваться в запахи, вылавливая и узнавая все новые... Узнавая, — я говорю не затем, чтобы похвастать своим знанием растений, я их почти не знаю, но в том смысле, что, несмотря на чудовищное разнообразие, я мог свободно отделять один запах от другого, даже самого слабого... Казалось, я чувствую всем телом. Будто новое чувство во мне родилось. И в этом чувстве теперь, когда страх ушел, не было ничего плохого и странного...

И еще я заметил, что вижу во тьме, но как-то

необычно. Я, например, помнил, что сразу за палаткой цветы орхидей были белоснежные. Сейчас они казались мне голубовато-зелеными. А синие и фиолетовые цветы вдруг превратились в желтые... Каждая травинка испускала слабое сияние, будто я вдруг очутился в каком-то новом, незнакомом мне мире, где вещи жили своей, особенной, не связанной с нами жизнью.

— Иди к нам, Усташ! — крикнул капрал.

Он сидел с Ящиком у костра, в самом центре поляны. Запах консервированного мяса, которое они поджаривали на огне, резко ударил в ноздри, но я легко заглушил и отвел его... Как это получается, я не понимал...

— Посмотри на оборотня, Усташ!

Если они видели так же, как я, они не зря удивлялись. Бугор, светящийся ярче костра, — вот что представлял собой оборотень. Он сиял, как маячная мигалка, и светлячки ярким хором крутились над ним — как планеты вокруг огромного солнца. Я четко различал каждого светлячка, каждое их движение, и это наполняло меня восхищением. Я чуть не заплакал, потому что я — киллер, профессиональный убийца — давно отрешился от подобных восторгов. А сейчас это вновь входило в меня, заставляя думать о жизни как о празднике — цветном, ярком, полном цвета, света, красок и запахов. Светлячки неслись и неслись вокруг оборотня, и я вдруг подумал — нет, оборотень не создание Земли, потому что создания Земли, появившись на свет, спешили прежде всего вооружиться когтями, клыками, ядовитыми железами, чтобы рвать, терзать, кусать и царапать... А оборотень ничего не имел, ни на кого не нападал и занимался всего лишь светлячковыми хороводами...

Запахи вдруг вспыхнули с новой силой. Среди них были непостижимые, таинственные, таких я никогда не улавливал. Были безразличные и неприятные — их я отбрасывал. Но были и такие, что пугали и восхищали меня, потому что каждый из них нес что-то полузабытое, с чем я, оказывается, не успел расстаться. И моя жестокая очерствевшая душа раскисла, как сухарь, брошенный в теплую воду...

Но и думая так, я отметил про себя, что волны запахов, проходившие отовсюду, были как-то связаны со вспышками оборотня... Я вернулся к костру.

— Ты что-нибудь видел такое, Усташ? — спросил капрал. Он сидел в траве, скрестив ноги, и если бы не маскировочная рубашка, на которой слабо поблескивали капли пота, мог вполне сойти за сельского учителя на лоне природы.

— Ты имеешь в виду запахи?

— Звуки, Усташ, звуки! — в голосе капрала звучало торжество, но он вдруг пожаловался: — Правда, не все они хороши, Усташ.

Я решил, что капрал пьян. Как я ни напрягал слух, ничего, кроме резкого звона цикад, не слы-

шал. Цвет и запах — вот что, на мой взгляд, определяло наш мир! Я так и сказал. И добавил:

— Цикады — это к дождю... — Они ведь не знали, что так говорят в Хорватии.

— Цикады? — удивился капрал. — Цикады только мешают! Слушай! Этот хруст... Это птица... Какая-то крупная и очень неловкая птица... Она от кого-то прячется, и я тебе сейчас скажу, от кого... О, черт! — выругался он, затыкая уши. — Опять эта летучая мышь! Ящик, дай мне «беретту»!

— Не надо стрелять, — сказал Ящик, и я вздрогнул. Он говорил по-французски!

В лилово-багряных вспышках я увидел его плоские щеки и вдруг по запаху его тела, тяжелому, нездоровому запаху, понял, что Ящик болен, что он моложе всех нас и что он — француз... И он подтвердил это...

— Я из Нанта.

И я уже не удивился... Забыл об этом. Снова включил свою способность повелевать запахами. Что-то необыкновенное, тонкое, чего я никогда не находил ни в ласке, ни в вине, пришло из томлящихся в духоте джунглей. Я попытался определить, что это, но капрал помешал:

— Усташ, — заявил он, — ты слишком шумный!

— Что значит — шумный? Ведь я молчу.

— Ты сам по себе шумный. У тебя мысли шумные. Ты шумишь больше, чем оборотень, а он уже прогудел мне уши. Как аварийный трансформатор.

— Капрал прав, — сказал Ящик.

— Как ты можешь знать это?

— Я пытался объяснить капралу. Он не понял. Боюсь, и ты не поймешь. Я просто чувствую, что вы хотите сказать или сделать. Я не читаю мыслей, Усташ, но за секунду до слов я понимаю эти слова... А ты?

— У меня запахи...

— Не удивляйся ничему, Усташ. И этому не удивляйся. Даже цикады могут по запаху находить друг друга за несколько миль. Лососи, поднимаясь из океана, находят по запаху устья родных рек. Угри, пересекая море, чувствуют запах саргасовых водорослей...

— Откуда это в тебе, Ящик?

— Я был учителем.

— Учителем?

— А разве ты никем не был?

Я был поражен... Человек, управляющий пулеметом, как своим мозгом, был учителем! Просто учителем! Учил детей! Истории или географии. Или ботанике...

— Географии, — подсказал Ящик.

Что с нами? — подумал Ящик... И его удивило, что впервые за много лет он так подумал — «что с нами?» Впервые за много лет. С того далекого 1953 года, когда его мобилизовали в армию и отправили защищать французскую колонию Вьетнам. Защищать от вьетнамцев. Он уже тогда ощущал некую двусмысленность своей роли солдата-защитника, но он был молод, а мир, открывшийся перед ним, необычен. Необычен до того дня, когда главнокомандующий генерал Наварр приказал сконцентрировать рассеянные в лесистых районах части на равнине Бак-бо. Ящик туда не попал. Его часть прикрывала Верхний Лаос, и, бродя в сырых джунглях, солдаты только и думали о тысячах грузовых велосипедов и подвод на лошадях, буйволах и быках, что шли к ним с той стороны фронта. Пятьдесят пять дней и ночей пробыл Ящик в этой

дыре, до тех пор, пока генерал де Кастри, командовавший их частью, не сдался и не сдал своих солдат вьетнамским армиям.

Но я еще во что-то верил, думал Ящик. Верил до тех пор, пока его и еще семнадцать человек не заставили выполнить акцию «Гретхен». Он не помнил, кто и почему закодировал это действие таким именем. Может быть, потому, что вьетнамские женщины напоминали своей беззащитностью всех Гретхен земли?.. Это был просторный школьный двор, и по одну его сторону заставили лечь мужчин, а по другую женщин и детей. Указанный вставал и отходил в сторону, где его расстреливали из пулемета. Приказ был — убить всех, ибо любой оставшийся в живых мог рассказать об акции «Гретхен». И Ящик стрелял и убивал. Наверное, в тот день он и стал Ящиком. До этого он был просто рядовым Анри Леперье. Впрочем, нет, думал Ящик, по-настоящему я стал убийцей чуть позже. Но в этой же войне.

Ту войну все называли войной слона и кузнечика. Франция, конечно, была слонем, а он, Ящик?.. Он был даже не клыком, даже не когтем... Он был лишь крошечной частицей беспо-

щадного организма. Он был частицей взбесившегося слона, уничтожающего кузнечиков, которые противопоставили бронетранспортерам палки... Он вдруг вспомнил партизанскую песню вьетнамцев: «Сегодня кузнечик бьет слона, а завтра он вспорет ему живот...» И кузнечик вспорол живот слона, думал Ящик, жаль, что мне досталось тогда больше всех...

Позже, думал Ящик, позже я стал по-настоящему Ящиком и забыл даже свой язык, даже свое имя... Позже... Тогда, когда его командировали в американскую спецчасть охранять запасы йодистого серебра, невзрачного, такого безобидного на вид порошка, носящего зато великолепное название — Оружие Зевса... От американского лейтенанта Билла Кроу он узнал, что стоит мельчайшим кристаллам йодистого серебра попасть в скопление облаков, как они мгновенно превращаются в хлопья снега, в град или в капли дождя, которые мощными потоками обрушиваются на землю, снося все на своем пути. Спецчасть, в которую был командирован Ящик, была началом тех спецчастей, что провели в 1962 году в Лаосе акцию под кодовым названием «Поп-1». 10—20 граммов йодистого серебра — и на землю в очень короткий срок обрушивались миллионы кубических метров воды... Но тогда, во Вьетнаме, в дни Ящика, спецчасти еще не умели контролировать Оружие Зевса.

Ящик вспомнил, как лейтенант Билл Кроу, смеясь, тыкал пальцем в небо и говорил: «Анри, вы — французы — работаете вручную. Вам никогда не сохранить своих колоний. Тут нужна техника. Желтые должны боготворить нас. Оружие Зевса, Анри, это еще далеко не все. Подожди немного, и мы подарим вам окисляющие дожди, они будут выводить из строя радиолокаторы, грузовики, танки и, конечно, людей. От этих дождей не укроет ни одно убежище. Мы откроем в небе такую дыру, что при необходимости сможем выпустить через нее всю влагу атмосферы! Мы сможем в будущем нагревать или охлаждать любой участок земли, увеличивать уровень радиации, вызывать землетрясения...»

Он был веселый парень, Билл Кроу и, наверное, не был в чем-то виноват по-особенному... Разве что в энтузиазме... И он утонул, как утонули все — и лейтенанты спецчасти, и рядовые французских экспедиционных войск, и вьетнамцы — в тот злосчастный день, когда начальство попробовало проткнуть дыру в атмосфере. А он, Анри Леперье, не утонул, но он навсегда превратился в Ящика.

Я впервые подумал — «что с нами», — сказал себе Ящик. Увидев тогда потоп, смывший людей, джунгли, горы, я был раздавлен. Я перестал думать о всех. Я просто захотел жить. Жить животной или растительной жизнью, какой угодно, только бы жить, жрать свой хлеб, хлестать

свою выпивку. И я стал спасать себя. Моя жизнь выражалась с тех пор только в этом — в спасении. Я никогда уже не воевал ни за черных, ни за белых. Я просто спасал себя. И я презирал всех людей и все государства. Слабых — за их неспособность постоять за себя, сильных — за их неспособность быть справедливыми. Я спасал себя и не думал уже ни о добре, ни о зле, ни о географии, ни об истории. Я спасал себя, маленького, ничтожного, одинокого, сломленного видением низвергнутого с небес потопа. Я спасал себя от Оружия Зевса, от инея на пальмах, от стрел симбу, от всего того, что пока хранится в секретных сейфах, но еще обрушится на меня. Непременно обрушится, если я не подумаю о себе заранее...

Ящик посмотрел на оборотня, который лежал недалеко от него. Это именно оборотень так подействовал на меня и на всех, подумал он. Наши чувства создают наш собственный мир внутри обитаемой вселенной... Почему же оборотень решил вдруг раскрыть все двери и выпустить наше подсознание со всеми его страхами наружу, во много раз усилить все чувства? Почему? Что это за существо? Откуда оно? Что ему от меня надо? Почему оно вдруг сделало так, что я чувствую все, что хотят или боятся сказать эти люди?.. Ящик посмотрел на Усташа и поежился, настолько четко читалось за напускным равнодушием Усташа желание порыться при случае в биографии Ящика как можно глубже.

Наплевать, решил Ящик. Увиденное во Вьетнаме дало мне право защищать только себя. Для этого я и приручил пулемет.

Новым, непонятным для себя образом Ящик почувствовал, что стоит на грани необыкновенно важного открытия. Но как только он добрался до сути, как только его мысль схватывала конец нити, из подсознания его выползали видения голых сопков, погруженных в потоки, и он начинал скрипеть зубами от мгновенно пронизывающей его мучительной головной боли, спугивающей даже эти видения...

Опять до меня донесся счастливый, мучительный запах, но я не успел его угадать. Ящик сказал:

— Я завтра ухожу, Усташ.

— Уходишь?

— Да. В Уганду. Оттуда переберусь в Европу. С меня хватит!

Я смотрел на Ящика, и мне было его жаль. Он хотел все бросить и уйти, чуть ли не превратиться в обыкновенного человека! Знаменитый стрелок по кличке Ящик, снискавший великую славу среди стрелков легиона, хотел бросить все, что у него было! Как будто и вправду профессиональный легионер может оставить свою

работу и стать... например, учителем! Я покачал головой... Нелепость слов Ящика была ясна мне.

— Ты зря так думаешь, Усташ, — возразил Ящик моим мыслям. — Во всех нас есть что-то расплывчатое и непонятное, как, например, чувство голода или желание оказаться в безопасности, но мы ведь справляемся с этим и находим в этом удовлетворение. Может быть, удовлетворение, Усташ, уже само по себе — чувство? В конце концов, аппетит — это ведь тоже не просто ощущение того, что концентрация сахара в крови уменьшилась.

Я ничего не понял, а Ящик объяснить не успел, к нам подошел француз. Всклокоченный, трясая бородатой головой, он встал над костром, как сумрачная тень, и сварливо спросил:

— Почему вы меня не разбудили?

— Тебе было плохо, — объяснил Ящик.

— Ты — француз! — заорал Буассар. — Ты из Нанта!

— Да, — сказал Ящик, и они замолчали. Один болезненно торжествующе, другой безразлично. А рядом, завалившись в траву, капрал с блаженно-идиотским выражением на лице вслушивался в ему только слышимую симфонию. Огонь костра мягко шевелил воздух, и запахи, как бы вспугнутые его движениями, одолевали меня — я восхищался симметрией запахов орхидей, бархатистыми запахами неизвестных кустов (я догадывался об их форме), запахами роз и просто благоуханиями, остающимися после прыжка цикады с одного лепестка на другой...

Когда Буассар сел, я почувствовал в его кармане сигареты и вытащил всю пачку. Дым не мешал запахам. Я был счастлив. Я понимал все. Даже счастье термита, снующего по туннелям термитника, даже счастье цикады, совершающей свой прыжок. В этом мире всем могло хватить счастья. Я впервые об этом подумал... И впервые ощутил лес вот так — с каждой его травинкой, с каждым листком... И это понимание, это непрерывное чувство кружило мне голову, заставляя вновь и вновь вслушиваться в каждый шорох, в каждый ветерок, проникая в самую суть того, что зовется природой и что так не похоже на спящие ветви, рвущиеся перед рычащим «джипом»... Вот чем пахнет надбавка за риск, вдруг понял я. Теплым бензином, резиной скатов, потом убийц... Вот он, запах надбавки за риск, — запах наших тел! Этот запах сжигал меня. Сжигая, стреляя, гогоча, мы прошли Конго насквозь. Наши тела отравляли его атмосферу в огромном масштабе. В этом было что-то сверхморальное — врываться в джунгли, окутав себя облаком бензина и резиновой гари... А как пахнут те бельгийские франки, которыми оплачивают нашу работу? — подумал я, и Ящик, опять перехватив мои мысли, сказал:

— Теперь, когда это так понятно, и следует уйти...

— Но почему это с нами?

— Это все оборотень.

— Да?

— Все пройдет, как только он захочет кончить этот спектакль. Посмотри, как он сияет. Разве ты не чувствуешь, что как только его вспышки становятся сильнее, так с нами происходит что-то новое? Замечаешь? Я совершенно уверен, Усташ, что оборотень специально заставляет нас разыгрывать наши роли и мы ничего не можем сделать. Не знаю, есть ли у него какие-то специальные намерения или нет, но он зачем-то портит нам мозги. А может быть... прочищает.

— Как это может быть? — недоверчиво спросил Буассар. — Как может какая-то скотина так навредить человеку? Она же ничего не чувствует. Ее хоть из пушки расстреливай! У тебя ум за разум заходит, Ящик. Как может быть то, чего нет?

— Если ты чего-то не воспринимаешь или не видишь, это не значит, что всего этого нет. Ты не видишь за облаками солнце, но ведь оно существует!

— Не хочешь же ты сказать, Ящик, что перед нами какой-то звездный миссионер, принявший вид колоды? Какие к черту чудеса, — если эта тварь только и умеет, что сводить нас с ума!

— Разве я говорю о звездах? — мягко возразил Ящик. — Я даже не говорю о разуме или о существе в нашем понимании. Это что-то другое, Буассар. Природа любит шутить. Термический орган американской гремучей змеи обнаруживает мышь на расстоянии до десяти футов только потому, что мышь теплее окружающего ее воздуха. Японские рыбки-сомики улавливают так называемые теллурические токи, постоянно циркулирующие в земной оболочке и возмущаемые перед землетрясением. Скаты и угри генерируют электрические импульсы. А оборотень... Не знаю, что он делает и для чего, но это он превращает нас в каких-то «испорченных» людей. Черт возьми, Буассар, как я могу объяснить тебе ощущение магнитного или биологического поля, если мы не научились еще понимать друг друга? Мы же заперты в себе, мы же никогда не позволим себе раскрыться друг перед другом... Но кто-нибудь в этом разберется.

— Кто? — с надеждой спросил француз.

— Тот, кому мы передадим оборотня.

— Передадим?

— Да. Возможно, это случится скоро. В Уганде.

— Хочешь его там продать?

— Я сказал передать, Буассар. Это не значит — продать. Мы нашли то, что принадлежит не нам одним. Всем.

— Всем? — тихо спросил Буассар. И вдруг заорал: — Всем?!.. Мы подышаем в джунглях, в нас стреляют, нас бьют отравленными стрелами, а мы, наткнувшись, наконец, на что-то, стоящее денег, должны отдать это всем? Кто они — эти

все? Те, кто хочет накинуть веревку на шею Усташа, те, кому хотелось бы упечь меня за решетку? Идиоты! А деньги по договору? Что мы, зря целый год гонялись за черными по всему Конго? Ты хочешь уйти, а я? А капрал? А Усташ? А ван Деерт? Нас же возьмут за попустительство дезертиру! А где ты хочешь окончить свою старость? А чем ты будешь запивать ее нищий вкус? Запахом цветочков или рассуждениями?

— Заткнись, Буассар, — не вставая с травы, крикнул капрал. — Ты мне мешаешь!

— Я сам пристрелю вас!

Буассар бросился к палатке и выскочил из нее с автоматом. Пули визгливо разорвали тишину, и обломок щепы, ударив по плечу, погрузил меня в море пальмовых запахов. И почти сразу я почувствовал перемену. Все менялось, упрощаясь каким-то диким неестественным образом... Я еще видел голубоватые стволы, цикад, стреляющих с ветки на ветку, но все это уже разлагалось, путалось, съедало друг друга. Я еще улавливал многие запахи, но уже не мог их разделять. И одновременно возвращалась тошнотворная боль, пронизывающая все тело. Взбешенный, я вырвал автомат из рук Буассара. Он выругался, схватил меня за руку и вдруг закричал:

— Я тебя вижу!

Столько радости, неподдельной человеческой радости было в его словах, что я застыл.

— Не трогай его, Усташ, — сказал Ящик, держась за голову. — Я ведь говорил, что все это кончится, как только оборотень погаснет...

Ошеломленный, я повернулся. Оборотень лежал холодный и серый, и я подумал, что все это было сном...

Но нет, сном это не было — капрал валялся в траве, заткнув уши пальцами, корчась, как в припадке падучей, а француз бессмысленно бегал по поляне и ликуя орал:

— Я вижу, Усташ! Я вижу!

Глава пятая

Бегство

Только Ящик сохранил спокойствие. Он первый заметил голландца, вышедшего на поляну. За голландцем, испуганно глядя на нас, шел бабинга.

— Я встретил его в лесу, — объяснил ван Деерт. — Почему ты кричишь, француз?

— Я вижу, ван Деерт! Вижу!

— Сумасшедший дом... — Голландец никогда не скрывал своих чувств, а сейчас его лицо вообще скривилось.

— Капрал, — сказал он, — у меня новости...

— Ты не дошел до майора? — капрал встал, морщась, как от головной боли. Они отошли в сторону.

Наклонившись над оборотнем, я попытался

понять — чего хотело от нас это существо?.. Оборотень явно не был опасен. Как бы ни были разнообразны окружающие нас живые формы, человек все же всегда может понять — грозит ли ему опасность? Оборотень ставил меня в тупик... Что это — растение, животное или, как сказал Буассар, звездный миссионер?... Грозило нам это существо или, наоборот, хотело внушить некие представления о счастье?.. Зачем, с какой целью оборотень устроил нам светопредставление?..

Впрочем, обязательно ли воздействие должно быть разумным? Разве скат, ударяя вас током, пытается наладить с вами контакт? Или цветок, источая аромат, желает подать вам голос?.. Будь это существо разумным, оно нашло бы к нам путь... Но... что бы это ни было, оно и вправду могло стоить большие деньги. В этом француз был прав.

— Голландец струсил, — заявил, присаживаясь рядом, счастливый Буассар. — Он не дошел до майора, хотя и ссылается на некие обстоятельства. Но наверное, Усташ, нам надо поскорее смыться из этих мест. Они мне разонравились. И еще надо поскорее сбыть эту скотину.

— Ты все еще хочешь торговать оборотнем?

Француз посмотрел на меня с подозрением:

— А ты нет? Не идти же нам в музей — мы, легионеры, изловили для вас... Не вздумай, Усташ, — заговорил он угрожающе, — повернуть это дело один. Оборотень принадлежит всем, не тебе и не Ящику решать его судьбу.

— Торг не состоится!

Мы подняли головы. Ван Деерт и капрал стояли рядом. И тут же был Ящик, унылый и совершенно не похожий на того, каким он был час назад.

— О чем вы говорите?

— Об оборотне, — голландец брезгливо коснулся его носком ботинка.

— Мы же собирались получить за него полноценную валюту!

— Брось, Буассар. Прежде чем мы доберемся до рынка, оборотень сведет нас с ума. Или тебе каждый день хочется переживать радость прозрения? Или хочется, чтобы тебя по ночам мучили чудовищные кошмары?

Вот как это на тебя действовало, подумал я, не зря ты не отказался уйти из лагеря, не зря ты сейчас так настаиваешь на отмене торга...

Подонки, думал голландец. Они всегда хотят противоречить тем, у кого сильные руки, крепкие нервы и ясная голова. Они всегда хотят противоречить мне. Я повидал кое-какие страны и голыми руками могу наделать таких дел, каких никогда не провернут двадцать волонтеров любой регулярной армии мира. А они мне противоречат!.. Неутоленная жажда власти, жажда

страшная, мучительная захлестнула его. Они все походили с ума от жадности, эта тварь вогнала их в маразм, и они сами не знают, чего им надо... Ненависть, ненависть ко всем людям вообще, ненависть к этим людям, которых по долгу службы ему приходилось считать товарищами, захлестнула голландца...

— Оборотень во всем виноват, — сказал голландец. — Это он портит нам мозги. Стоило мне уйти, и я стал человеком, а вы устроили стрельбище в собственном лагере! Хорошо, что бабинга догнал меня и сказал, чем вы тут заняты. Особенно ты, француз... Прикончи оборотня, Усташ!

Я опустил голову — голландцу не следовало видеть выражение моих глаз... Я уже знал, что сейчас произойдет, но все не мог решиться... оказывается, я боялся голландца.

— Прикончи оборотня, Усташ, — повторил ван Деерт.

Разворованное чудо — вот ты кто, подумал я об оборотне. Не успели к тебе привыкнуть, не успели тебя понять, как один уже требует твоей продажи, а другой — уничтожения... Приказ голландца возмутил меня.

— Почему я?

— Ты притащил оборотня, тебе его и убрать. Что тут неясного?

— Ладно. Только мне понадобится пулемет... Ты ведь однажды пытался ухлопать оборотня, но малокалиберка его не взяла.— Я мрачно усмехнулся и посмотрел на него в упор: — А ведь без пулевой дырки даже череп негра ничего не стоит...

Я ждал и, когда голландец бросился на меня, заученно ударил левой рукой в живот, а коленом правой ноги в лицо. Но меня сбил француз и, продолжая орать о продаже, о том, что он не слеп и не даст обвести себя вокруг пальца, несколько раз пнул тяжеленным ботинком в лицо и под ребра. Я задохнулся. Тогда сказал капрал:

— Усташ, ты уберешь оборотня!

— Нет,— сказал я со страхом и отчаянием. Я знал, что они теперь меня не оставят, и, выбрав кое-что из тех грязных ругательств, которых поднабрался в Испании и в других местах, повторил их. Не знаю, что со мной творилось,— они даже отшатнулись от меня. Капрал сжал виски руками:

— Волонтер ван Деерт, легионер Усташ дезертировал!

— Да, капрал!

Ван Деерту помог Ящик, бывший учитель географии, опять пасмурный, опять потерявший способность говорить по-человечески. Пока капрал и Буассар спорили о судьбе оборотня, голландец куском фала связал мне руки. Я лежал в траве, а легионеры курили. Чтобы не чув-

ствовать дыма, вызывающего густую слюну, я перевернулся на бок и вдруг увидел оборотня совсем рядом. Шкура его была почти прозрачной, и меня потрясли пульсирующие в его бугристом желеобразном теле немые синие вспышки, будто в нем шла неслышимая гроза или крутились миры, далекие, странные, расплывчатые... А может, это вправду настоящая галактика, свалившаяся к нам, в Конго?..

Я увидел, что оборотень вздрогнул.

Медленно, ничем не поддерживаемый, как на воздушной подушке, он сплывал над травой в мою сторону. Они все, и капрал, и француз, и Ящик, видели это, но никто не решился оттащить меня с пути оборотня, только ван Деерт взял в руки брошенный французом автомат. Так они ожидали, а оборотень надвинулся на меня, и я почувствовал холод, исходящий от его шелковистой шкурой. Он навалился мне на живот, на грудь, на связанные руки, и я тщетно пытался сбросить с себя холодную тварь. Вдруг веревки ослабли. Я вывернулся из-под оборотня и вскочил, с изумлением глядя на съеденную, висящую клочьями рубашку и обрывки веревки. Если это и была кислота, на тело она никак не подействовала...

Я не пытался бежать. С одной стороны стоял вооруженный голландец, с другой стороны — остальные. И меня потрясли слова капрала:

— Мы погорячились, Усташ. Переоденься.

— Возьми у меня рубашку,— предложил Буассар.— Она с плеча Шлесса, и я ни разу не надевал ее.

— Забирай свой «вальтер»,— мрачно сказал голландец и протянул пистолет.

Так, с пистолетом в руках, я сделал шаг к палатке, не спуская глаз с легионеров, а они стояли в тех же позах и угрюмо смотрели на меня. Как мумии. Я им не верил, вытащил свой мешок, забрал автомат, обоймы и, держа палец на спусковом крючке, медленно пошел через поляну.

— Держись слоновьей тропы,— безвольно посоветовал Буассар.

Пересекая поляну, я поймал себя на мысли, что поступаю, как негр... Но никто на меня не смотрел, будто они чего-то стыдились... Я истерично хихикнул — легионеры и стыд!.. А затем страх внезапно навалился на меня, и я бросился бежать сквозь заросли, ломая ветки, срывая листву, путаясь в лианах, всей спиной ощущая беззащитность перед пулями, которые могли вырваться из автомата голландца.

Несколько раз я упал, но это меня не останавлило. И только через полчаса, наконец, перевел дух. Прислушался... Погони за мной не было, но зато совсем рядом сплывал за мной над прямой дорожкой тревожно светящийся оборотень. Нелепое зрелище, но я устал поражаться. Только хмыкнул:

— У тебя что, правда, воздушная подушка?

Он не ответил... Мерцал, неподвижно повиснув над белесой рыхлой травой. И, коснувшись ладонью его светящейся поверхности, я, как человеку, сказал ему:

— Ладно. Идем.

Глава шестая

Конец Вселенной

К вечеру я был далеко от лагеря. Оборотень плавно, не раскачиваясь, плыл за мной, будто решив никогда меня не покидать. Я этому не препятствовал. В конце концов, мне, наверное, грозило лишь повторение вчерашней ночи — возвращение в мир запахов, — и я ничего не имел против. Для меня это не было кошмаром, как для Буассара или голландца.

Я не знал леса, но шел уверенно, как по пеленгу. Военных постов я не опасался, симбу мы тут не встречали, а от случайных встреч никто не застрахован и в собственном доме. Шел и шел, будто меня вел внутренний компас. После некоторых раздумий я отнес это за счет оборотня. Он уже демонстрировал нам чудеса и, может быть, вообще умел будить в людях нечто такое, о чем они в нормальном состоянии и не подозревают... Помнит же лосось, находясь в океане, угловую высоту солнца в устье родной реки, да еще и соотносит ее с показаниями внутренних биологических часов! Так, кажется, говорил Ящик... Наклонившись, я выдрал с корнем пучок рыжей травы, будто знал, что ее можно жевать, и усмехнулся — из каких тайников мозга всплывала эта уверенность?

— Правильно, оборотень, — сказал я, обернувшись. — Прочищай нам мозги!

Он продолжал следовать за мной и был столь непохожим на окружающее, что я только пожал плечами — откуда, как он заявился в Конго? Есть ли в местных лесах такие же оборотни? И выбрал же он местечко!.. Где-то в Европе его, конечно, тоже бы продали, но там, в конце концов, он мог попасть в руки какому-нибудь специалисту... А тут?.. С дальних ли он галактик или порождение тропиков — он уже разворован нами на корню, обречен на пропажу, и никуда ему от этого не деться. Такие, как мы, будем торговать даже его запахом! И со злобной мстительностью подумал — я сам продам его за наличные! В сорок пять лет поздно усаживаться на террасу кафе, ожидая ангажмента на очередные сельскохозяйственные работы в очередном Конго. С меня хватит!

Я зря сказал, что не знал леса. Дорога, которой я шел, была мне, в общем, знакома по карте, виденной у капрала. На этой карте условная линия, пересекающая озеро Альберта с севера

на юг, вдруг взлетала на высоту более пяти тысяч метров и погружалась затем в озеро Эдуарда. Я четко помнил ниточку шоссе на границе Уганды и Бельгийского Конго. К этому шоссе я и стремился. Оттуда я мог пробраться в Родезию, снять с текущего счета деньги и, купив документы, смыться в Европу... Перебившись до лучших времен, я мог сбыть с рук оборотня. С меня, действительно, хватит! В шортах, в армейских башмаках, в малиновом берете я прошелся по Габону и Конго. У таких, как я, только оружие меняется — бельгийские карабины, американские автоматы, итальянские «беретты»... Защитники цивилизации — так называют нас в газетах. И защищая цивилизацию, один остается в Конго с отравленной стрелой меж ключиц, второй с копьем меж лопаток, в дельте Меконга, третий сходит с ума... Конечно, нам идет надбавка за риск. Есть счастливицы, вроде англичанина Брайна, потерявшего руку по самое плечо, но получившего свои проценты от миллиона. Он устроился в Солсбери, и неплохо. Я у него бывал. Но у меня не получится, как у Брайна. Я всегда выбирал не те ставки. Да, наверное, по-настоящему выиграть в этих играх было нельзя. Неважно, кем мы все были в прошлом — модельерами, учителями географии, артистами или политиками, — итог всегда был один. Мы ошибались в выборе, а история этого не прощает. История любит людей, дерущихся за одну, выбранную ими землю. При всех других вариантах ты обречен...

Продав оборотня, думал я, можно еще поколыхаться в мутной воде, не всплывая к поверхности, где меня могут опознать... Подумав об этом, я вдруг вспомнил газету капрала. Возможно, в ней и впрямь было сказано что-то о самом капрале? Что мы знаем друг о друге? Ничего.

Но я тут же возразил себе — кое-что знаем. Например, то, что нас разыскивают... Многих, по крайней мере... Легион — банда, — выругался я. Легион — сброд! Это здесь мы ходим в чине защитников цивилизации. В любой другой стране мы — преступники!

Когда я остановился перекурить, оборотень на траву не опустился. Продолжал висеть над травой. Но мне наплевать было на его фокусы, я к ним уже привыкал. Я курил и обдумывал, как можно протащить оборотня в Европу. Потом встал и последовал своим путем, зная, что оборотень послушно следует над моими следами... Сердце забилось только потом, когда я вышел к узкому входу наглухо перекрытого обвалом ущелья. Идеальная ловушка для глупцов... Не входя в ущелье, я выбрался на плоскую, прикрытую деревьями и развалом камней площадку над выходом и бросил мешок на траву. Раскрыв банку, я хлебнул пива, заел его консервированным мясом и прилег, положив автомат под голову.

Звезды в небе были раскиданы реже, чем, например, в Хорватии. Местами в небе вообще было пусто. Над самым горизонтом мерцал опрокинутый ковш Большой Медведицы, а напротив него торчком стоял Южный Крест. Неплохая позиция... Если залечь под Крестом... Тьфу! — выругался я.

Вслушиваясь в шорохи, я вдруг подумал о себе — кто я? Когда-то — усташ. Человек, поверивший, что небольшая, оторванная от собственного народа партия может определить и вести политику целой страны. Гитлер, правда, дал нам «Независимое государство Хорватию», но мы не могли его удержать, и оно не было нашим. Исторически не могли, и это было ясно с самого начала... Когда пал третий рейх, я бежал с основателем партии усташей Анте Павеличем в Австрию, в Бад-Ишле, и долгое время держался усташей, даже участвовал в нескольких террористических актах и проходил практику в Каркахенте, любезно предоставленном нам генералом Франко... Тогда я и стал киллером — профессиональным убийцей, и эта профессия привела меня в легион.

Кто же я?

Перевернувшись на спину, негромко сказал: — Киллер.

Звезды мерцали надо мной, и я подумал, что если оборотень, правда, пришел оттуда, он никогда не сможет понять нас. Материки огромны, людей много, и у каждого человека свои желания... Как же совместить их и выполнить без помощи автомата?.. Нет, подумал я, это не оборотень, это я был пришельцем на Земле, чужим и жестоким пришельцем, которого можно было купить за валюту и послать в любую страну. «Отправляйся-ка, парень, на поиски незнакомого цветка в дальние страны, лежащие там, за морями... Город застыл в глазах, давай завоюем себе новые страны... Мы печатаем шаг, мы хотим прочесать дальние страны...» Вот и вся наша философия, все мировоззрение... Я был пришельцем, чужим, страшным, о котором вспоминать будут только с ненавистью.

Никогда я не был так одинок, как в эту глухую тропическую ночь, нависшую над сонным Конго. Все — трава, шорохи, камни, цикады — казалось мне чужим. Я тонул. Я знал, что тону. Я тонул и орал, хрипел и катался по траве, ударяясь о камни, об автомат, смертельно боясь той пропасти, что вырыл своими руками и которая навсегда отделила меня от людей. «Киллер! — орал я звездам. — Я — киллер!»

Вдруг сумасшествие ушло. Звук, похожий на человеческий голос, вытащил меня из бездны. Измученный, оупевший, я подполз к краю обрыва и в неверном свете всплывшей луны увидел всех четверых — капрала, ван Деерта, Ящика и Буассара. Они были вооружены, мали-

новые береты лихо сдвинуты набок, и я понял, что они пришли за мной и за оборотнем.

Я даже услышал, как голландец сказал:

— В этой дыре он в ловушке...

Потом ван Деерт осмотрелся и, обратившись к входу в ущелье, крикнул:

— Усташ!

Эхо гулко ответило из ущелья. Я оценил ситуацию и решил — я их не выпущу, это они у меня в ловушке... Подтащив автомат, передвинул рычаг на боевой взвод и лег, широко разбросав ноги, между двух камней с выходом на ущелье — идеальная, самой природой устроенная позиция. Лучше, чем в дзоте... Голландец, подумал я, вот кого надо убрать из игры сразу. Он один стоил всех. Только его я по-настоящему боялся.

— Усташ! — крикнул голландец. — Верни оборотня и можешь сматываться, куда хочешь! Мы не тронем тебя, Усташ!

Если я его окликну, подумал я, он не станет оборачиваться, он знает эти штуки, он просто упадет в траву за секунду до выстрела, и тогда мне придется иметь дело с одним из самых жестоких и опытных рейнджеров, в руках которого шелковая петля стоит больше, чем бельгийский карабин в руках дилетанта...

Подняв автомат, я, не раздумывая, высунулся по пояс из-за камней и открыл огонь. Голландец уже оседал на траву, а я продолжал стрелять, злобно и торжествующе выкрикивая:

— Бета ие! Бета ие! Бей его!

Я стрелял и чувствовал, как каждая пуля рвет его плоть и убивает его. А потом лег. По мне даже не выстрелили, так неожиданно все случилось. Осторожно выглянув, я убедился, что голландец мертв, а остальных как ветром сдуло с открытой площадки. «Нисамехе, — прошептал я, имея в виду голландца. — Куа хери я куонана. До свиданья, до нового сафари...»

— Усташ! — крикнул француз из какой-то расщелины. — Перестань стрелять!

Я перевернулся на спину. Никто из них не стал бы перебегать открытую площадку передо мной, зная, что она простреливается.

— Не валяй дурака, Усташ! Тебе крышка, ты знаешь.

— Я знаю!

Ответ их удовлетворил. Они замолчали, и я понял, что кто-то из них под прикрытием пулемета, за который, конечно, ляжет Ящик, все же попытается перебежать площадку. Наверное, это будет француз, подумал я, и пожалел Буассара... После голландца, впрочем, стоило по-настоящему бояться лишь Ящика. Пулемет учителя географии еще не вошел в игру.

Нашарив в темноте камень, я бросил его в кусты, и не успел он еще как следует расшевелить листья, как пулеметная очередь вспорола воздух, подняв фонтан каменной пыли. Я не стал смот-

реть, как распадается пыль. Француз должен был вот-вот появиться... Пулемет смолк... Меня на это не купишь, подумал я, и кто же это все-таки будет?.. Я опять решил, что это будет француз...

Я ждал. И когда в лунном свете внизу мелькнула тень, выстрелил, опередив и обманув Ящика, пулемет которого с ходу вошел в игру и прижал меня к земле, заставляя вдыхать воздух, колючий и сухой от взбитой каменной крошки... Затем грохот пулемета смолк. «Котала на пембени те, не гляди по сторонам», — сказал я себе и все-таки приподнялся. И сразу увидел француза.

Но как я его увидел!

Согнувшись, уронив автомат, схватившись руками за живот, он медленно шел через залитую светом площадку, не пытаясь уйти в тень, не пытаясь спрятаться в кусты. Ему было все равно.

— Усташ! — крикнул он. — Я иду тебя убить!

Я мгновенно вспотел. Страх навалился на меня, но я не стрелял и не шевелился. Я знал, что Ящик следит сейчас за каждым камнем, за каждой веткой. Француз упадет сам, думал я, он упадет сам... Но француз шел и шел, и это длилось веками. Он шел под тремя парами глаз, уже ничего не видя и не слыша, и только какой-то сердобольный камень, попав ему под ноги, остановил, наконец, это бесконечное движение...

— Ие акуфи, — сказал я, — он мертв.

Теперь я остался против двоих... А оборотень? — вспомнил я. Почему он не примет участия?

Обернувшись, я увидел неподвижный, слабо светящийся силуэт. Оборотень не вмешивался... И правильно, решил я, он всего лишь предмет купли-продажи, это решено всеми нами.

А если толкнуть его?

Я чуть приподнялся, и на этот раз Ящик не ошибся. Пули обрубали ветку, зацепили меня за плечо, и вся их масса вошла в приподнявшегося над травой оборотня. В лицо мне плеснуло чем-то невыразимо едким, я вскрикнул и опрокинулся на камни, видя, как разрушается оборотень. Он взрывался как звезда. Из его лопнувшей оболочки изливались огненные реки, вспышки и молнии рвали его, над ним восходили протуберанцы и сполохи... Нет, конечно, нет, — это боль рисовала мне такие картины... Теперь я утонул, думал я, не пытаясь дотянуться до отброшенного автомата...

Когда капрал и Ящик остановились надо мной, я открыл глаза. Не знаю, что они видели, но они упорно на меня не смотрели. Только потом я узнал, что щеки и лоб на мне были сожжены и вспухли сплошной безобразной маской. Указывая на студенистые, бледно светящиеся обрывки, капрал спросил:

— Это оборотень?

— Да...

Они не расслышали, и я повторил... И вдруг,

сразу, пришли запахи, как в ту ночь... Что заставило их вернуться?.. Они шли волнами, и, чтобы лучше их почувствовать, я привстал. Капрал открыл рот, но я почти крикнул ему:

— Подожди!

Запах пришел снова. Запах крошечного цветка, который моя мать держала в горшке в теплой комнате дома, в Хорватии... Как он назывался?..

Пока капрал и Ящик возились над обрывками оборотня, я поднялся и сел на камень, борясь с болью и головокружением. Мне казалось, я слышу пение. Прислушался... Да, гудели барабаны. Гулкие, далекие. Я слышал слова. Может быть, это пел бабинга, может быть, убитый ван Деертом негр... Я вслушивался, и мне казалось, я понимаю.

Мы были счастливы, — говорили слова. — Пришли белые!

Они сказали: эта земля принадлежит нам, этот лес — наш, эта река — наша! Була-Матари, белый человек, повелитель над всеми, заставил нас работать на него.

Пришли белые!

Лучшие из нашего племени, самые храбрые и сильные, стали их солдатами. Раньше они охотились на буйволов и на антилоп, теперь они охотятся на своих черных братьев.

Пришли белые!

Мы отдавали все наше время и весь наш труд Була-Матари. Наши животы ссохлись от голода. Мы не имели больше ни бананов, ни дичи, ни рыбы. Тогда мы сказали Була-Матари: «Мы не можем больше работать на тебя!»

Пришли белые!

Они сожгли наши хижины. Они отняли наше оружие. Они захватили в плен наших жен и дочерей. «Идите работать, — сказали они уцелевшим. — Идите работать!»

Пришли белые!

Уцелевших погнали в большой лес. Они резали там лианы. Когда каучук был готов, он был покрыт пурпуром крови. Белые взяли каучук.

Пришли белые!

Наши дочери были прекрасны. Поцелуи белых осквернили наших дочерей.

Пришли белые!

Младшая, самая младшая, цветок моей старости, понравилась их вождю. Она была такого возраста, когда не думают о мужчинах. Я умолял вождя. Он посмеялся надо мной.

Пришли белые!

Я умолял его: «Она еще так мала! И я ее так люблю!» Я умолял его: «Отдайте моих сыновей, отдайте моих дочерей!» Великий вождь белых исполосовал мою согнутую спину бичами. Мои раны сочатся. Земля моих предков напиталась кровью.

Пришли белые!

Какое значение, подумал я, черные пришли или белые?.. Суть не в этом... Важно прийти так, чтобы на тебя не смотрели потом, как на грабителя... Это была простая, ясная мысль, от нее не кружилась голова, и мне стало легче. Я еще раз посмотрел на стоящий торчком Южный Крест. Впрочем, он уже наклонился, и звезды несколько потускнели. Чужие звезды.

Капрал протянул мне сигарету и спросил:

— Ты сможешь идти?

— Да.

— После всего, что произошло, — сказал капрал, — нам делить нечего. Следует убираться. В этих краях могут быть симбу...

Да, подумал я, делить нам уже нечего... Кому нужны мертвецы?.. Я встал и вдруг увидел тоненький куст, на котором, опутанный лунным светом, раскачивался нежный розовый лепесток. Я узнал его запах. А цветок... Гибискус! — вот как он назывался...

И когда мы уходили, легионеры, в свой легион, я украдкой коснулся цветка, окончательно прощаясь со всем этим. Я знал, что уже никогда и ни от кого не увижу ни прощения, ни ласки. Звезды, когда я поднял голову, были чужие. Ящик и капрал были чужие. Страна была чужая. Что я тут делаю?

Я действительно чувствовал себя пришельцем... Чужие люди. Чужие звезды. Чужое небо.

